ОБЪ
АРИСТОКРАТІИ,
ВЪ
ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ.

ПИСЬМО
ИЗЪ
РОССІИ.

Ueber die Aristokraten Russlands.

ЛЕЙПЦИГЪ: Э. Л. Каспровичъ. | LEIPZIG: E. L. Kasprowicz.
1874.

2, шк
О

459
37

Вопросъ объ аристократіи имѣетъ у насъ въ настоящую минуту нѣкоторое значеніе. Между тѣмъ какъ въ Европѣ аристократія болѣе и болѣе падаетъ, между тѣмъ какъ и у насъ совершенно выводятся и старинные вельможи и старинное къ нимъ уваженіе, теперь вдругъ опять поднимаются толки, опять слышатся притязанія на какія то права. Какъ будто бы, умирая, боярство хочетъ сдѣлать послѣднее усиліе, въ послѣдній разъ доказать свою вѣчную несостоятельность.

Причина такихъ толковъ заключается въ предполагаемой въ нынѣшнемъ государѣ наклонности къ аристократіи. Покойный императоръ не слишкомъ любилъ вельможъ; выводя людей новыхъ, единственно ему одолженныхъ своимъ возвышеніемъ, онъ стремился осуществить изреченіе

императора Павла Петровича: "тотъ только у меня вельможа, на кого я гляжу и до тѣхъ поръ, пока я на него гляжу". Нынѣ же царствующему государю, не извѣстно почему, приписываютъ аристократическія тенденціи. Онъ вступилъ на престолъ и весь придворный міръ засуетился: оберъ-камергеры и камергеры, оберъ-церемоніймейстеры и церемоніймейстеры, оберъ-егермейстеры, оберъ-шенки, дѣйствительные тайные совѣтники и просто тайные совѣтники, графы, князья и бароны — все это разогнулось, пріосанилось, заговорило громче; начали толковать о правахъ. Каждый исполняется гордостью, каждый думаетъ про себя: "и я буду бояринъ! и я буду сидѣть въ верховной думѣ, управляя государствомъ, котораго не знаю повелѣвая народомъ, съ которымъ ничѣмъ не звязанъ, и рѣшая дѣла, въ которыхъ ничего не понимаю".

Конечно, это и жалко и смѣшно. Когда мелкій и суетный міръ темныхъ интригъ и низкаго раболѣпства хочетъ сдѣлаться первымъ сословіемъ въ государствѣ, когда ничтожество становится на ходули и объявляетъ высокія притязанія, мы, разумѣется, можемъ только смѣяться. Но, къ несчастію, Россіи теперь не до смѣха; Россіи въ настоящее время нужно вызвать всѣ

свои живыя силы; она больше всего имѣетъ надобность въ людяхъ, а потому и не жожетъ смотрѣтъ равнодушно на всѣ эти жалкія попытки. Тѣ, которые въ обыкновенное время возбудили бы только смѣхъ и презрѣніе, теперь могутъ своею неспособностью ввергнуть отечество въ погибель. Отъ того то и вопросъ объ аристократіи получаетъ нынѣ нѣкоторую важность, потому и надобно окончательно разъяснить его, какъ для самихъ аристократовъ и ихъ клевретовъ, кліентовъ, поклонниковъ и лакеевъ, такъ и для правительству и народа. Нужно показать правительству, что оно стоитъ неизмѣримо выше всякой аристократіи и никогда въ ней не можетъ нуждаться; народу, что онъ въ прошедшемъ терпѣлъ отъ бояръ всякаго рода бѣдствія, и въ будущемъ можетъ ожидать отъ нихъ только лихоимства и притѣсненія.

Аристократіи бывали и въ древности и въ новое время — но, кажется, надобно взять вопросъ нѣсколько выше и объяснить значеніе кастъ. Хотя каждый порядочный школьникъ знаетъ различіе между сословіемъ и кастой, но не надобно забывать, что немногіе изъ современныхъ нашихъ вельможъ могутъ образованностью равняться съ порядочнымъ школьникомъ. Чего добраго, нѣкоторые подумаютъ, что касты основаны на раздѣ-

леніи труда и что это и есть естественная организація общества. Возьмемъ же для примѣра Индію, и посмотримъ на чемъ тамъ основано устройство кастъ. Вотъ что мы читаемъ въ индѣйскихъ священныхъ книгахъ: "Однако земля оставалась пуста; чтобы населить ее, Брама изъ устъ своихъ произвелъ сына Брамана, которому вручилъ IV Веды какъ IV глагола четырехъ устъ своихъ. Назначенный для изученія божественныхъ книгъ, Браманъ предался уединенію, но страшась нападенія дикихъ звѣрей, наполнявшихъ лѣса, онъ принесъ жалобу отцу. Тогда создатель изъ правой руки своей произвелъ втораго сына Кшатрію, а изъ лѣвой Кшатріани, которая стала женою своего брата. Но Кшатріо занятый днемъ и ночью защитою Брамана, не зналъ какъ удовлетворить своимъ нуждамъ. Тогда общій отецъ произвелъ изъ праваго бедра третьяго своего сына Вайсію, а изъ лѣваго Вайсіани, жену его. Но послѣдніе, предаваясь безъ устали земледѣлію, не могли однакоже поспѣвать на все. Тогда Брама, чтобы дополнить созданіе, произвелъ четвертаго сына Судру, который вышелъ изъ правой ноги его, и получилъ въ жены Судрани, вышедшую изъ левой; имъ поручены всѣ рабскія должности. Такого начало четырехъ кастъ, которыя наполнили землю,

размножаясь и повинуясь предписаніямъ Ведъ, какъ божественному глаголу".

Такъ представляли себѣ Индѣйцы устройство общественное; оно находилось въ тѣсной связи съ ихъ религіею, и изъ нея заимствовало свое начало. Весь міръ, а вмѣстѣ съ нимъ и человѣчество, представлялись, какъ рядъ ступеней, болѣе и болѣе приближавшихся къ божеству. Каждая ступень представляла нѣчто замкнутое, неподвижное, неизмѣнное. Это было природное или божественное опредѣленіе, которое не подлежало нарушенію. Какой же былъ исходъ потребности человѣка въ свободѣ и дѣятельности, ведущей къ высшему общественному положенію? Такой исходъ представляла вѣра въ переселеніе душъ: человѣкъ могъ надѣяться, что онъ своими заслугами пріобрѣтетъ право родиться въ кастѣ болѣе благородной, и такимъ образомъ возвыситься постепенно до самаго божества. Это было дополненіе необходимое, ибо безъ него человѣкъ въ отчаяніи разорвалъ бы всѣ стѣснявшія его преграды.

Что же въ этомъ можетъ быть общаго съ гражданскимъ устройствомъ новаго времени? Здѣсь мы видимъ постановленіе религіозное, дополненное пантеистическимъ воззрѣніемъ и вѣрою въ переселеніе душъ; здѣсь человѣкъ, сливаясь

съ природою, уподоблялся дереву или животному, которые точно также могли вслѣдствіе заслугъ переродиться въ человѣка, ибо во всемъ, по понятію Индѣйцевъ, существуетъ одна божественная душа или стихія, облекающаяся въ различныя тѣла. Но у народовъ, проникнутыхъ духомъ христіанства, понятіе о кастахъ не имѣетъ никакого смысла. По христіанскому ученію человѣкъ какъ существо духовное стоитъ безконечно выше матеріальной природы, и не подлежитъ всѣмъ ея условіямъ. Какъ сыны Божіи, всѣ люди равны передъ Господомъ, и бѣдный скорѣе можетъ войдти въ царствіе небесное, нежели знатный и богатый. У насъ раздѣленіе на сословія, не можетъ уже имѣть значенія религіознаго, или носить характеръ опредѣленія естественнаго; у насъ оно коренится въ началахъ чисто человѣческихъ, и тогда только допускается, когда это признается полезнымъ для цѣлаго общества. У насъ поэтому понятіе о кастахъ неприложимо, но разумѣется, если извѣстное сословіе считая себя выше другихъ по рожденію, т. е. по естественному опредѣленію самой природы, обособится и одеревенѣетъ въ своей замкнутости, то оно по справедливости заслуживаетъ названіе касты. Но это будетъ каста основанная не на естественныхъ условіяхъ

человѣческой жизни, а единственно на невѣжествѣ и на чванствѣ.

Устранивъ понятіе о кастахъ, мы должны взглянуть на аристократіи игравшія роль въ исторіи, и показать ихъ значеніе. Были аристократіи и въ древности. Въ Греціи и Римѣ мы видимъ знатные роды, управляющіе государствомъ и упорно сопротивляющіеся вторженію новыхъ, незнатныхъ родовъ. Но и эти сословія не имѣютъ ничего общаго съ сословіями новаго времени. Древнія аристократіи основаны были на началѣ племенномъ и родовомъ. Каждое мелкое племя замыкалось въ себѣ, не допуская въ среду свою пришельцевъ, не соединенныхъ съ нимъ естественнымъ родствомъ. Если же вслѣдствіе нашествія или завоеванія на одной территоріи собиралось нѣсколько отдѣльныхъ племенъ, хотя бы даже болѣе или менѣе родственныхъ между собою, то одно изъ нихъ являлось господствующимъ, а другіе подчиненными, или же одно составляло центральное звѣно народонаселенія, а другіе образовали около него внѣшніе, пришлые наросты, которымъ не дозволялось мѣшаться съ первоначалной, племенной основой государства. Въ этой крѣпкой, замкнутой національности заключалось могущество греко-римскаго міра, но она же носила въ

себѣ сѣмена разрушенія, ибо такія чисто естественныя условія жизни не соотвѣтствуютъ высшему духовному значенію человѣка. Внѣшніе наросты, исключенные изъ сферы гражданской, требовали мѣста и себѣ, и такъ какъ истина была на ихъ сторонѣ, такъ какъ самкнутый союзъ всегда безсиленъ противъ свободнаго естества человѣка, то они получили наконецъ желаемое уравненіе правъ. Патриціи мало по малу слились съ Плебеями и образовали единый народъ римскій; римскій народъ въ свою очередь принялъ въ нѣдра свои всѣхъ жителей Италіи, а послѣдніе уравнялись наконецъ со всѣми подданными римской имперіи; всѣ одинаково получили названіе и права римскихъ гражданъ. Тѣсный городъ расширился въ имперію, обнимавшую собою почти весь исвѣстный тогда міръ, узкая народность разрѣшилась въ человѣчество, приготовилась почва для христіанства и древній міръ палъ, уступая мѣсто новымъ понятіямъ и новымъ началамъ.

Откуда же произошла аристократія новаго времени, аристократія возникшая въ средніе вѣка, но которой остатки видны и до нынѣ. Она образовалась изъ дружины варварскихъ народовъ. Въ то время высшимъ общественнымъ дѣятелемъ была церковь христіанская. Но церковь дѣйство-

вала только на нравственно религіозную сторону человѣка: она смягчала слишкомъ суровыя нравы воиновъ, старалась водворить идеи мира и любви, распространяла просвѣщеніе, но самаго устройства общественнаго она не касалась, и здѣсь то господствовалъ необузданный произволъ личности, не знавшей себѣ ограниченія. Римское государство пало, новыя государства не возникали; вездѣ властвовали дружины, не признававшія другаго начала, кромѣ физической силы. У нихъ былъ мечь въ рукахъ; они завоевали земли, покорили народы, силою оружія господствовали всюду, а потому и заняли первое мѣсто въ гражданскомъ обществѣ, присвоивъ себѣ наиболѣе правъ, и съ трудомъ допуская въ среду свою постороннія лица. Такъ произошло дворянство. Естественно, что въ эпоху буйной силы и необузданнаго произвола, военные люди могли образовать изъ себя замкнутое сословіе и поработить себѣ все остальное. Но вскорѣ рядомъ съ ними возникла другая власть: люди соединились въ города, занялись торговлею, пріобрѣли богатство, окружили себя стѣнами, и съ своей стороны объявили притязанія на права. „У насъ есть золото, у насъ есть оружіе и стѣны, за которыми можемъ защищаться," сказали они, "мы требуемъ мѣста и себѣ." У нихъ дѣйствительно

была сила, а потому они получили второе мѣсто въ обществѣ послѣ дворянства. Что касается до низшаго сословія, до сословія земледѣльцевъ, то не владѣя мечемъ, не имѣя золота, оно должно было по неволѣ остаться безправнымъ, или получить столько правъ, сколько добровольно удѣлили ему остальные. Такъ образовались сословія.

Но этого мило: самое дворянство раздѣлилось на классы. Нѣкоторые дружинники были сильнѣе и могущественнѣе другихъ; они выдались изъ остальныхъ и образовали сословіе высшихъ феодальныхъ владельцевъ, которымъ прочіе дворяне служили какъ вассалы, сохранняя впрочемъ дворянскія права. Такимъ образомъ дворонство распалось на два класса: на аристократію и низшее дворянство. Эта то аристократія, считавшая короля своимъ равнымъ, была вмѣстѣ съ духовенствомъ первенствующимъ дѣятелемъ въ средніе вѣка, и нельзя сказать, чтобы историческая роль ея была самая благородная. Впродолженіе едва ли не тысячелѣтія мы видимъ безпрерывную картину междоусобныхъ войнъ, убійствъ, грабежей, всеобщаго раззоренія и неслыханнаго угнетенія низшихъ классовъ народонаселенія. Единственныя разумныя начала исходятъ изъ церкви или изъ римскаго права; все же исходящее изъ воинства,

представляетъ только безграничный произволъ ничѣмъ не обузданной личности.

Однакоже это не могло продолжаться. Подъ вліяніемъ христіанскихъ началъ и возстановленныхъ элементовъ древнаго міра, при большемъ и большемъ развитіи гражданственности въ городахъ, новыя, разумныя требованія возникли съ большею силою, общество почувствовало потребность въ порядкѣ, въ обузданіи буйнаго произвола; выработалось понятіе о государствѣ какъ о единомъ тѣлѣ управляемомъ единою волею, и вотъ представителемъ этого единства, этой общественной воли сдѣлался король.

Король принадлежалъ также къ феодальной дружинѣ, онъ былъ ея вождемъ и вышелъ изъ ея среды; но подъ вліяніемъ римскихъ началъ и новыхъ потребностей, онъ получилъ совершенно другое значеніе. Онъ явился представителемъ государства, и тѣмъ самымъ долженъ былъ стать во враждебное отношеніе къ прежнымъ своимъ товарищамъ. Въ самомъ дѣлѣ нельзя себѣ представить болѣе противоположныхъ стремленій: аристократія была сословіемъ основавшимъ свое владычество на физической силѣ; король былъ строителемъ государства, какъ тѣла духовнаго. Аристократія выработала изъ себя идею лица со всѣмъ

его необузданнымъ произволомъ; король явился представителемъ начала общественнаго, ограничивающаго личный произволъ для пользы общей. Аристократія требовала себѣ правъ исключительныхъ, частныхъ; король требовалъ отъ гражданъ обязанностей всеобщихъ. Аристократія хотѣла вести междоусобныя войны, ходить съ мечемъ по всей землѣ, грабить и притѣснять народонаселеніе; король хотѣль установленія порядка и тишины въ государствѣ. Однимъ словомъ то были притязанія несовмѣстныя и борьба была неминуема. Дѣйствительно она вспыхнула — борьба упорная, ожесточенная, которая кончилась, разумѣется, торжествомъ королевской власти, торжествомъ государства надъ анархическими и буйными силами, завѣщанными предъидущею эпохою. Всѣ великіе государи, основатели монархіи, были гонители аристократіи. Они понимали, что аристократія въ благоустроенномъ государствѣ не должна существовать, что она противна общественному порядру. Всѣ они опирались на сословіе горожанъ, на законниковъ, выводимыхъ изъ ничтожества, но сильныхъ знаніемъ права. Лудовикъ XI, Ришелье, казнили буйныхъ вельможъ; кровь ихъ лилась рѣками, и наконецъ они должны были смириться. Во всѣй Европѣ одна только англій-

ская аристократія сохранила свое государственное значеніе; въ остальныхъ странахъ она утратила свое прежнее могущество, свои древнія права. Она осталась какъ обломокъ прошедшаго, потерявшій смыслъ, исказившійся и развращенный, сохранившій еще ни на чемъ не основанныя притязанія и дѣйствующій всегда изъ частныхъ своихъ видовъ, въ противность общественному благу. Чтобы не лишиться прежняго значенія въ государствѣ, вельможи изъ феодальныхъ владѣльцевъ превратились въ царскихъ дворовыхъ людей. Они старались окружить собою царей и отстранить ихъ отъ народа и государства; они хотѣли сдѣлать изъ нихъ помѣщиковъ управляющихъ посредствомъ своей дворни. Для этого употреблялись всѣ средства, которыя могла изобрести человѣческая подлость. Лестью, раболѣпствомъ и интригами дѣйствуя на государей и направляя ихъ въ свою пользу, они успѣли опутать ихъ въ свои сѣти и были одною изъ главныхъ причинъ упадка монархическаго начала въ западной Европѣ; ибо народы перестали видѣть въ монархахъ представителей общественной пользы, а видѣли въ нихъ только вождей корыстнаго и развращеннаго сословія.

Одна только англійская аристократія составляетъ почетное исключеніе. Англія сложилась

подъ совершенно особенными условіями жизни. Между тѣмъ какъ въ прочихъ западно-европейскихъ державахъ короли забравъ власть въ свои руки, усмирили буйные элементы средневѣковые и на развалинахъ ихъ основали свое самодержавіе, источникъ государственнаго строенія и порядка, здѣсь напротивъ абсолютизмъ никогда не могъ получить значительнаго развитія. Свободѣ и крѣпости правъ каждаго лица и сословія Англичане пожертвовали государственнымъ строеніемъ. Весь порядокъ средневѣковой перешелъ и въ новое время, потерявши только тѣ черты, которыя были совершенно несовмѣстны съ новыми потребностями и учрежденіями. Потому и общественное устройство ихъ представляетъ какъ извѣстно, смѣсь самыхъ безобразныхъ установленій, законы ихъ находятся въ хаотическомъ состояніи, но за то нигдѣ нѣтъ такой свободы, нигдѣ нѣтъ такаго сознанія правъ и почтенія къ нимъ. Ихъ права крѣпки, потому что они старинны, и потому то Англичанинъ и любитъ старину. Только въ случаѣ крайней необходимости приступаетъ онъ къ измѣненію древнихъ учрежденій, хотя бы они представляли явленіе самое нелѣпое и самое безполезное. Такъ сохранилась у нихъ продажа мѣстъ въ войскѣ, средневѣковыя корпораціи, средневѣковые универ-

Библиотека Петра

ситеты, гнилыя мѣстечки, доходныя синекуры, такъ сохранилась и аристократія, величайшій обломокъ прошедшаго. Не ей Англія обязана своимъ величіемъ, но тому великому народному духу, который живетъ и въ аристократіи. Послѣдней однако же принадлежитъ честь сохраненія въ себѣ этого духа и введенія его въ систему государственнаго управленія. За то Англичане и терпятъ ее во главѣ правительства за то и почитаютъ свою аристократію.

Дѣйствительно, надобно сказать, что она показала себя достойною того уваженія, которое каждый гражданинъ Англіи питаетъ къ древнему высокому сословію. Единственная изъ европейскихъ аристократій, она не исключала изъ среды своей способныхъ людей изъ другихъ сословій, не отдѣлялась отъ народа, не стремилась исключительно къ своимъ личнымъ выгодамъ, не отказывалась отъ участія въ общественныхъ податяхъ, издавна освободила своихъ крестьянъ, никогда не раболѣпствовала передъ царями, а напротивъ того, всегда отстаивала народныя права и свободу противъ королевскаго самовластія. Насквозъ проникнутая духомъ народнымъ, отражая въ себѣ всѣ мнѣнія и потребности общественныя, принимая въ среду свою всякаго сколько нибудь значительнаго

человѣка, она съ удивительнымъ практическимъ смысломъ правила государствомъ, удерживая слишкомъ буйныя стремленія и дѣлая уступки, когда являлась въ томъ необходимость. Она одна изъ всѣхъ европейскихъ аристократій можетъ указать на то, что она сдѣлала для пользы государства, она одна имѣетъ славную исторію.

Въ XI. вѣкѣ, когда первые собрались бароны и заставили короля Іоанна Безземельнаго подписать Великую Хартію, они подумали не объ однихъ себѣ, но и объ народѣ; они въ хартію включили не только права феодальныхъ владѣльцевъ, но и права другихъ сословій. Графъ Лейстеръ, побѣдитель Генриха III. первый созвалъ въ парламентъ представителей городовъ. Во времена Стюартовъ лорды вмѣстѣ съ коммунами отстаивали народныя права противъ возникающаго деспотизма; они вмѣстѣ подписали имена свои подъ второй Велокой Хартіей Англіи — подъ прошеніемъ о правахъ. Начальникомъ войска, собраннаго Долгимъ Парламентомъ противъ Карла I, былъ вельможа графъ Эссексъ, въ рядахъ его стояли знатнѣйшіе аристократы Англіи — графъ Бедфордъ, грагъ Петерборо, графъ Стамфордъ, Сей, Мандевиль, Рочфордъ, С. Джонъ, Гестингсъ, Грей, Уиллоби. При Карлѣ II. кровь Росселей,

поборниковъ свободы текла на эшафотѣ. Начальниками революцій 1668 года прочно утвердившей существующій до нынѣ порядокъ вещей, были первые англійскіе вельможи. Вездѣ они были во главѣ движенія, вездѣ они отстаивали народныя права, вездѣ они стремились не къ личнымъ почестямъ, а къ общественному благу. И до нашего времени аристократія англійская продолжаетъ благоразумно и твердо управлять государствомъ. Партія охранительная и партія прогресса. Тори и Виги, всегда находили въ ней главныхъ вождей своихъ и представителей. Можно сказать даже, что охранительная партія заключаетъ въ себѣ менѣе аристократическихъ элементовъ, нежели партія прогресса. Величайшіе вожди первой были люди незнатнаго происхожденія. Таковы были оба Питты — отецъ и сынъ; таковъ былъ давно умершій великій государственный мужъ Серъ Робертъ Пиль. И въ недавное время, рядомъ съ лордомъ Станлей, вождемъ охранительной партіи явился Дизраели, возвысившійся однимъ своимъ краснорѣчіемъ, между тѣмъ какъ во главѣ Виговъ мы видимъ славныя имена Росселей, Греевъ и Пальмерстоновъ и проч.

Такова исторія англійской аристократіи. — Какая другая можетъ похвалиться подобнымъ

значеніемъ? Та пусть объявляетъ свои притязанія. А между тѣмъ и для англійской аристократіи настала роковая минута — не смотря на ея великія дѣла, не смотря на опытность, практическій смыслъ и таланты ея вождей, не смотря на любовь англійскаго народа къ своей старинѣ, часъ ея пробилъ. Она носитъ въ себѣ сѣмя разрушенія, потому что она аристократія, а всякая аристократія основана на должномъ началѣ и окончательно вредна для государства. Это остатокъ средневѣковыхъ учрежденій, который въ настоящее время потерялъ уже смыслъ и вотъ въ самой Англіи поднимаются противъ нея голоса. Минувшая война выказала всю внутреннюю ея несостоятельность; она показала, что правительство, сосредоточенное въ рукахъ однаго высшаго сословія, не имѣетъ въ себѣ достаточно силы и популярности, что система протекцій, необходимая принадлежность аристократическаго правленія, выводитъ людей неспособныхъ и препятствуетъ возвышенію людей достойныхъ, что подъ управленіемъ вѣтхаго сословія сохраняются обвѣтшалыя учрежденія, пагубныя для государства. Кромѣ того англійская аристократія держится только сосредоточніемъ почти всего поземельнаго владѣнія въ своихъ рукахъ, а это, разумѣется, не можетъ

быть безъ ущерба для народнаго благосостоянія. Не смотря на изумительную дѣятельность, составляющую отличительную черту англійскаго народа, не смотря на страшное развитіе промышленности, на безпрерывныя изобрѣтенія и усовершенствованія, на неисчерпаемые источники богатства, которые Англія имѣетъ въ своихъ колоніяхъ, нигдѣ нѣтъ такой бѣдности какъ въ Англіи. Рядомъ съ баснословнымъ богатствомъ является пищета, какой нѣтъ въ другихъ странахъ, а эта пищета происходитъ главнымъ образомъ отъ неравнаго распредѣленія поземельнаго владѣнія. Крестьянъ, владѣющихъ землею, въ Англіи нѣтъ; богатые фермеры снимаютъ земли у лордовъ и обработываютъ ихъ наемными людьми, которые едва могутъ имѣть необходимое. Все это теперь выходитъ наружу, и переходитъ въ сознаніе народа. Значительнѣйшіе журналы гремѣли противъ аристократіи, сходились митинги, составлялась лига для административной реформы, и никто не могъ предвидѣть чѣмъ все это кончится. Но англійскій народъ не любитъ радикальныхъ измѣненій, онъ медленно шагъ за шагомъ преобразуетъ свои учрежденія и долго еще аристократія будетъ играть значительную роль въ государствѣ, хотя теперь уже очевидно, что она клонится къ паденію.

Топоръ поднятъ, и долговѣчное дерево рухнетъ, хотя вѣроятно много ударовъ понесетъ оно, прежде нежели постигнетъ его роковая участь.

Совсѣмъ другое значеніе имѣли аристократіи на европейскомъ континентѣ, гдѣ вслѣдсѣвіе развитія абсолютизма разрушились средневѣковыя формы быта и установилось новое государственное строеніе. Тамъ аристократія не съумѣла отстоять своихъ правъ, потому что была отдалена отъ народа и имѣла въ виду только собственны свои интересы. Короли были здѣсь представителями государства и какъ скоро они сдѣлались самодержавными, вельможи, какъ сказано, превратились въ дворовыхъ. Такой характеръ имѣла въ особенности аристократія французская, блестящая, талантливая, благородная, но до крайности суетная, легкомысленная и односторонная. Долго она враждовала съ королями и проливала кровь свою въ битвахъ и на эшафотахъ, отстаивая прежнія сословныя права и притязанія. Еще въ младенчество Лудовика XIV. производила она внутреннія мятежи и явно соединялась съ врагами отечества. Самый блестящій представитель аристократіи, принцъ царской крови, великій герцогъ Конде приходилъ съ Испанцами воевать Францію, доказывая тѣмъ, что у аристократа нѣтъ отечества.

Феодальный владѣлецъ зналъ свои личныя права, свое сословное значеніе, но съ народомъ онъ не имѣлъ связи, отечества онъ не зналъ, и это отсутствіе благороднѣйшаго чувства человѣка осталось и у его потомковъ. Однакоже Лудовикъ XIV. успѣлъ наконецъ окончательно укротить буйныхъ вельможъ. Онъ ослѣпилъ ихъ блескомъ двора, соблазнилъ ихъ придворною роскошью, и тѣмъ покорилъ себѣ ихъ сердца; изъ рыцарей онъ превратилъ ихъ въ лакеевъ. Оказалось, что аристократы какъ нельзя болѣе пригодны для этой роли. Они сложили съ себя бранные доспѣхи, оставили замки и столпились ко двору. Разряженные, напудренные, въ шелковыхъ чулкахъ и кружевныхъ манжетахъ они являлись на царскіе levers, танцовали на придворныхъ балахъ, занимались любовными интригами, ужинали съ регентомъ, ѣздили на поклоненіе къ королевскимъ любовницамъ, забирали въ карманъ какъ можно больше и выдавали на общественныя потребности какъ можно меньше, истощали всѣ силы Франціи, доводили народъ до нищества, изобрѣтали моды, позволяли себѣ нѣсколько вольнодумства, но упорно сопротивлялись всякому мощному преобразованію; веселились, острили, проигрывали сраженія, и мало по малу съ удивительнымъ легкомысліемъ и ослѣ-

пленіемъ толкали короля въ пропасть, въ которую и сами нечаянно упали. Правда, были между ними благородныя личности, которыя, увлекаясь той или другой стороной принесли себя на жертву своимъ убѣжденіямъ; нашелся и геніальный человѣкъ какъ Мирабо, который впрочемъ былъ отвергнутъ и своимъ сословіемъ и дворомъ, но большинство французской аристократіи покрыло себя позоромъ. Въ минуту опасности они просто бѣжали покинувъ и Францію и короля, бѣжали изъ отечества, но для того, чтобы возвратиться въ него съ мечемъ въ рукахъ, вслѣдъ за иностранными войсками. Этимъ они положили на себя пятно, котораго не могли уже смыть; съ тѣхъ поръ они для народа стали предметомъ и ненависти и презрѣнія.

Однакоже на этотъ разъ предпріятіе не удалось, но въ 1814 и 15 г. они снова возвратились во Францію и снова за иностранными войсками, которыхъ привѣтствовали какъ спасителей. Они вернулись, ничего не забывши и ничему не научившись, опять стали предъявлять давно отжившія притязанія, взяли съ народа милліардъ въ вознагражденіе за свое постыдное бѣгство и опять своимъ легкомысліемъ и наглостью погубили и себя и государя. Революція 1830 г. окончательно

низвергнувшая династію Бурбоновъ, была отвѣтомъ народа на требованія вельможъ. Еще разъ показала она, какъ непрочно правительство, которое хочетъ опереться на аристократію. Въ этомъ состояло все несчастіе французскихъ королей: они забыли, что они призваны для блага всего государства, что они представители цѣлаго общества; они поддались льстивымъ наущеніямъ царедворцевъ, стали на сторонѣ одного сословія, того, которое менѣе всѣхъ носило въ себѣ государственныхъ началъ и болѣе всѣхъ имѣло въ виду одни частные свои интересы, и жестоко потерпѣли за свою ошибку. Они полагались на преданность аристократіи, но преданность это не есть любовь гражданина, который видитъ въ царѣ верховную власть въ государствѣ; это преданность дворовaго человѣка, который видитъ въ господинѣ источникъ частнаго своего благополучія, а потому и побуждаетъ его только на такія дѣла, которыя выгодны для него и для его братьи, хотя бы это была гибель для государства. Въ случаѣ же опасности царедворецъ оставляетъ своего господина, какъ то сдѣлали французскіе вельможи въ первую революцію.

Теперъ французская аристократія потеряла уже всякое политическое значеніе, но она не забыла

еще прежняго времени. Сосредоточившись въ парижскомъ предмѣстьи, она сохраняетъ еще преданія о старинѣ, о славныхъ дѣлахъ отцовъ, о преданности законному государю, котораго чтитъ и доселѣ, ибо черезъ него только она можетъ достигнуть нѣкотораго значенія. Напрасная надѣжда! Теперъ все значеніе французской аристократіи состоитъ въ воспоминаніяхъ. Но странно при этомъ то, что они съ умиленіемъ воспоминаютъ не о томъ времени когда закованные въ латы, они сидѣли на конѣ и враждовали съ королями, а объ томъ, когда одѣтые шутами, въ огромныхъ, безобразныхъ парикахъ разыгрывали роль царскихъ лакеевъ. Религія воспоминаній весьма почтенная вещь, но она какъ то странна бываетъ въ своихъ проявленіяхъ.

Что касается до нѣмецкой аристократіи, то, хотя она и не возбуждала революцій, но сдѣлала лучше; она разрушила самое государство. Во Франціи непосредственные вассалы короля, покорившись его власти, столпились около престола и образовали высшее сословіе. Въ Германіи же каждый непосредственный вассалъ имперіи, даже самый ничтожный, сдѣлался независимымъ владѣльцемъ своей земли, а императоръ сохранилъ только тѣнь верховной власти. Германія распалась такимъ

образомъ на безчисленное множество мелкихъ владѣній, которыхъ существованіе не имѣло рѣшительно никакаго разумнаго основанія. Послѣдствія показали всю пагубу подобнаго порядка вещей, всю несостоятельность нѣмецкой имперіи съ ея неуклюжими средневѣковыми формами, съ ея нескончаемыми протоколами, возникшими изъ потребности соглашать множество лицъ, имѣющихъ въ виду каждое только собственныя свои выгоды, съ ея войсками, которыя едва начинали собираться, когда непріятель былъ уже среди государства. При первомъ столкновеніи съ свѣжими силами обновленной французской монархіи этотъ дряхлый призракъ распался; но создать новыя формы государственной жизни нѣмецкія правительства не съумѣли. Съ помощью Наполеона или скорѣе по его приказанію, непосредственныхъ вассаловъ имперіи медіатировали, но все таки зло не пресѣклось, и до сихъ поръ Германія была лишенная единства, раздѣлена на множество мелкихъ владѣній, которыя доказали какъ трудно справиться съ разъ вкоренившеюся безмыслицею.

Больно было однакоже прежнимъ непосредственнымъ вассаламъ имперіи изъ самостоятельныхъ владѣльцевъ чуть замѣтныхъ клочковъ земли сдѣлаться подданными другаго государства. Долго

они сохраняли внѣшній видъ величія и держали около себя много численный придворный штатъ, который едва имѣли средства содержать. Долго окружали ихъ всѣ придворные чины — министры, камергеры, церемоніймейстеры, которые всѣ трепетали передъ прежнимъ величіемъ и все еще воображали себя важными сановниками въ службѣ высокихъ особъ. Наконецъ исчезъ и этотъ призракъ власти; подъ вліяніемъ французскихъ идей и новыхъ потребностей значеніе аристократіи болѣе и болѣе падало въ Германіи. Однакоже они не отказались отъ своихъ притязаній. Нѣмецъ поддается не такъ легко. Французы кричали, суетились, ломали себѣ шею, Нѣмцы же потеравши политическое значеніе, призвали себѣ на помощь цѣлый аппаратъ учености, и создали теорію феодальнаго государства, называя его органическимъ построеніемъ общества, и придавая этому видъ глубокомыслія. Они построили даже цѣлую философію права, основанную на этихъ началахъ. Въ настоящее время эту теорію, въ соединеніи съ разными піетистскими воззрѣніями поддерживаетъ въ особенности знаменитый другъ нашъ — Новая Прусская Газета. Органическимъ построеніемъ государства называется здѣсь средневѣковое раздѣленіе на сословія съ значительнымъ преобла-

даніемъ аристократій, т. е. такой порядокъ вещей, который возникъ во время буйной силы, неустройства, анархіи, когда каждый старался захватить себѣ какъ можно болѣе правъ и достоянія, и получалъ ихъ на столько, на сколько хватало у него мочи и отваги. Матеріальная сторона человѣка, его рожденіе въ извѣстной сферѣ ставится на первый планъ, духовная же его сторона, его образованность, способности считаются ни во что. Между тѣмъ высокое значеніе государства состоитъ именно въ признаніи этой духовной стороны человѣка, для него важны не богатство, не рожденіе, не владѣніе тѣмъ или другимъ родомъ имущества, не личныя права, а единственно оказанныя ему услуги, дѣла, совершенныя для блага общественнаго. На все это нѣмецкіе феодалы не обращаютъ вниманія; они строятъ себѣ свое государство, называютъ его органическимъ, и чрезвычайно довольны своимъ изобрѣтеніемъ. Одаренные духомъ систематическимъ, они первоначальное ложное основаніе проводятъ до крайнихъ предѣловъ и выводятъ изъ него послѣдствія удивительныя. Такимъ образомъ они систематически защищаютъ средневѣковыя права, средневѣковыя коронаціи, патримоніальный судъ надъ свободными людьми, право охотиться на чужихъ земляхъ и наконецъ

даже кнутъ и тѣлесное наказаніе. Все это послѣдовательно выводится изъ разъ принятыхъ началъ. И это консерватизмъ! Это была просто полновѣсная, неуклужая нѣмецкая нелѣпость, разукрашенная педантизмомъ.

Обозначивъ характеръ и значеніе аристократіи французской и нѣмецкой, обратимся ли мы и къ другимъ? Станемъ ли говорить объ аристократіи датской, которая также соединялась съ внѣшними врагами и ставила Данію на край гибели и упорно отказывалась участвовать въ приношеніяхъ на общественныя нужды, до тѣхъ поръ пока другія сословія не произвели революціи въ пользу королевскаго самодержавія и тѣмъ не положили конца пагубному порядку вещей? Говорить ли объ аристократіи шведской, столь же вредной для государства всякій разъ, какъ не смиряла ее энергическая воля королей. Говорить ли объ единоплеменной съ нами аристократіи польской, предавшей и продавшей свое отечество, доведшей угнетеніе до невѣроятности и безначаліе до безумія? Фридрихъ великій и Екатерина II. хорошо понимали, что дѣлали, когда она гарантировали аристократическія конституціи Польши и Швеціи, и противились всякому ихъ измѣненію. Повидимому странно, что абсолютные монархи не хотѣли видѣть

самодержавія въ сосѣднихъ государствахъ. Но они знали, что самодержавіе выведетъ эти государства изъ безначалія; при господствѣ же аристократіи они осуждены были на вѣчное безсиліе и вѣчные внутренніе раздоры, благопріятные для замысловъ другихъ державъ.

Но обратимся лучше къ аристократіи русской, вглядимся въ нее попристальнѣе и посмотримъ — на чемъ могутъ быть основаны ея притязанія. Англійская аристократія, когда говоритъ о правахъ своихъ, указываетъ на свою исторію, на здравый политическій смыслъ, съ которымъ она управляетъ государствомъ; французская говоритъ о своихъ рыцарскихъ доблестяхъ, о блестящихъ личностяхъ, которыхъ она воспитала; нѣмецкая вооружаясь ученостью, выставляетъ теорію феодальнаго государства. Каждая старается разумнымъ образомъ оправдать свои требованія. Наши аристократы не такъ затѣйливы: они не обладаютъ такимъ политическимъ смысломъ какъ англійскіе, они не могутъ похвалиться такими рыцарскими качествами какъ Французы, они рады бы выставить свою теорію боярства, да не хватаетъ ни смысла, ни образованности. Нѣтъ, они хотятъ быть боярами, потому, что... потому что... ну, да просто потому, что весьма пріятно быть боярами

и повелѣвать другими. Русскій человѣкъ за доказательствомъ далеко не полѣзетъ; ему даже вовсе не нужно доказательства. Хотимъ быть боярами, да и дѣло съ концемъ. Къ тому же и разсуждать у насъ запрещено; это дѣло подозрительное и не безопасное для государства, а подъ покровомъ всеобщаго молчанія и тайственности, какія не заведутся мысли и теоріи? Нѣтъ нелѣпости, которая бы не могла укорениться, если она не будетъ выведена на дневной свѣтъ, если она не будетъ обличена общественнымъ разумомъ. Но потому то и надобно поднять этотъ вопросъ и спросить себя: на чемъ могутъ основаться наши аристократы, чтобы оправдать свои требованія? Настоящее ихъ положеніе никакъ нельзя назвать блистательнымъ; на него никто и не сошлется. Не то, чтобы гнуться было слышкомъ больно, но досадно, что нельзя въ свою очередь сгибать въ дугу и другихъ. Но, можетъ быть, въ прошедшемъ есть у нихъ залогъ для будущаго значенія; можетъ быть славная исторія оправдаетъ великія притязанія. Посмотримъ же, что у нихъ за исторія.

Наши бояре, какъ и западные феодальные владѣльцы, образовались изъ членовъ княжеской дружины. Первые наши князья были сами ничто

иное, какъ вожди дружины. Осѣдлости они не имѣли, отношенія къ народонаселенію были самыя поверхностныя. Они ходили съ дружиною по всей землѣ русской, а иногда предпринимали и дальніе походы, воевали между собою, сбирали дани и пошлины, и раздавали товарищамъ, съ которыми проводили время въ войнѣ, пирахъ и весельи. Дружина раздѣлялась на старшую и младшую; значительнѣйшія лица, бояре, были членами первой и считались княжескими совѣтниками и ближайшими помощниками. Хотя званіе ихъ не было наслѣдственно, но военныя занятія и знатность свою они передавали роду и потомству. Разъ получивши извѣстное значеніе въ дружинѣ, они считали его какъ бы своею собственностью, и требовали, чтобы оно переходило и на ихъ родственниковъ. Однакоже при безпрерывныхъ смутахъ и переходахъ князей и бояръ, при постоянномъ наплывѣ новыхъ дружинниковъ, эти требованія не могли еще установиться въ опредѣленныхъ формахъ и образовать такую систему, какую видимъ впослѣдствіи.

Ближайшіе совѣтники князя были и главные участники въ ихъ доходахъ. Имъ преимущественно князья раздавали города и волости въ кормленіе, и нельзя сказать, чтобы они этими дохо-

дами пользовались умѣренно. Не разъ общины возставали на княжескихъ тіуновъ и платили имъ смертью за всѣ ихъ грабежи и притѣсненія. Но какое дѣло было боярину до народа? Онъ не имѣлъ постояннаго отечества и мѣстопребыванія, не имѣлъ постоянныхъ обязанностей, а хотѣлъ только нажиться, да погулять, переѣзжая съ мѣста на мѣсто, и останавливаясь тамъ, гдѣ ему было любо.

Однакоже князьямъ надоѣлъ наконецъ такой образъ жизни. Они видѣли, что не усѣвшись на мѣстѣ, не пріобрѣсти имъ силы — и вотъ они изъ дружинниковъ превращаются въ вотчинниковъ, отказываются отъ прежней жизни, полной отваги и опасности и стараются преимущественно объ увеличеніи своихъ владеніи. Первый подалъ примѣръ Андрей Боголюбскій, и первый пришелъ въ столкновеніе съ боярами. Имъ не любо было жить на мѣстѣ. Разъ установившись, они должны бы были подчиниться князю, принять на себя постоянныя обязанности, а этого они вовсе не хотѣли. Они осѣдлостью и постояннымъ гражданскимъ значеніемъ въ обществѣ пожертвовали личной независимости. Не любо имъ было и то, что измѣнились къ нимъ отношенія князя: какъ вождь дружины онъ былъ ихъ товарищемъ; какъ

вотчинникъ, какъ верховный землевладѣлецъ онъ становился уже ихъ господиномъ. И вотъ Андрей ссорится съ ними, и выгоняетъ старыхъ бояръ своего отца. Онъ окружилъ себя людьми новыми, но не съумѣлъ предостеречься отъ ихъ козней, и былъ убитъ собственными родственниками и домочадцами.

По смерти его должны были наслѣдовать младшіе его братья, но бояре и приверженцы стараго порядка вещей призвали племянниковъ его Ростиславичей, которые, какъ говоритъ лѣтописецъ, были молоды и во всемъ слушались бояръ, а бояре научили ихъ больше брать. Они ограбили владимірскую церковь, украшенную Андреемъ, но храбрость ихъ не была въ уровень съ алчностью. Когда явились младшіе Юрьевичи, Михаилъ и Всеволодъ, Ростиславичи были дважды разбиты, и должны были уступить имъ мѣсто. Бояре ихъ бѣжали съ поля битвы, а нѣкоторые были перебиты и взяты въ плѣнъ. Князья восторжествовали и сдѣлались могущественными вотчинниками, изъ которыхъ впослѣдствіи вышли московскіе государи.

Но бояре не измѣнили прежняго своего характера, по прежнему они искали только личной своей выгоды, по прежнему не хотѣли быть въ

зависимости ни отъ кого, и какъ вольные дружинники переѣзжали съ мѣста на мѣсто, предлагая свои услуги тому или другому князю. Во все продолженіе удѣльнаго періода въ договорахъ между князьями встрѣчается постоянное условіе: "а боярамъ и слугамъ вольнымъ воля." Каждый князь старался заманить ихъ къ себѣ, раздавая имъ высокія должности, земли и кормленія, въ которыхъ отправленіе суда было предлогомъ для того, чтобы грабить и наживаться на счетъ бѣднаго народонаселенія. Городъ или волость давались имъ для того, чтобы "имъ сытымъ быти." Съ каждаго судебнаго дѣйствія взималась огромная пошлина, съ каждаго преступленія получались разнообразные доходы, которые всѣ служили къ обогащенію намѣстниковъ, такъ что нерѣдко они сами выдумывали преступленіа для того, чтобы имѣть случай набить себѣ карманы. Самые поборы до введенія уставныхъ грамотъ были неопредѣленны, и разумѣется они пользовались этимъ случаемъ чтобы возвышать ихъ по произволу. Однимъ словомъ все, что могло быть сдѣлано для угнетенія жителей, все было сдѣлано. Только бѣгствомъ въ другія области жители могли спасаться отъ чрезмѣрныхъ насилій, такъ что намѣстникамъ и волостелямъ Россія обязана отчасти тѣмъ

безпрерывнымъ кочеваніемъ народонаселенія которое составляло одну изъ язвъ тогдашняго общества. Сами кормленщики не имѣли ни постоянной должности, ни постояннаго мѣстопребыванія. Какъ гибельный ураганъ наѣзжали они на область, и награбившись до сыта, уѣзжали далѣе. Корни въ землѣ они не могли пустить; связи съ народомъ у нихъ не было; не было даже и сословной связи жежду собою. Каждый жилъ только для себя, каждый искалъ выгоды только себѣ и своему роду.

Однакожѐ скоро эти отношенія должны были измѣниться. Московскіе князья стали болѣе и болѣе возвышаться надъ другими, а вмѣстѣ съ тѣмъ и боярамъ стало выгоднѣе служить у князя богатаго и могущественнаго, нежели у князя бѣднаго и слабаго. Вмѣстѣ съ значеніемъ князя возвысилось и значеніе московскихъ бояръ, и вотъ начинаются постоянные переѣзды дружинниковъ изъ удѣловъ въ Москву, постоянныя измены въ пользу могущественныхъ князей. Такъ бояре нижегородскіе предаютъ своего князя и его княжество Василію Дмитріевичу; такъ бояре смоленскіе, пользуясь отсутствіемъ своего князя, сдаютъ городъ свой могущественному Витовту литовскому; такъ наконецъ боярин Шемяка, Иванъ Котовъ,

отравляетъ своего князя, чтобы угодить Москвѣ. Съ своей стороны московскіе бояре старались поддержать значеніе своего князя, ибо съ этимъ было соединено собственное ихъ могущество. Они не предвидѣли, что отсюда выдутъ грозные владыки, которые положатъ конецъ ихъ крамоламъ и переѣздамъ. Въ малолѣтство Дмитрія Донскаго старые бояре его отца выхлопотали ему ярлыкъ на В. княженіе. Когда внукъ его, Василій Васильевичъ тягался въ Ордѣ съ дядею Юріемъ, первый его бояринъ, Иванъ Дмитріевичъ Всеволожскій, помогъ ему одержать верхъ. Но тотъ же Иванъ Дмитріевичъ Всеволожскій вскорѣ послѣ того разсердившись на В. князя за то, что онъ не хотѣлъ жениться на его дочери, отъѣзжаетъ къ Юрію и возстановляетъ его противъ племянника. Когда Василій послалъ къ дядѣ пословъ чтобы переговорить о мирѣ, Иванъ Дмитріевичь и слышать не хотѣлъ о мире, и была, говоритъ лѣтописецъ, между боярами брань великая и слова неподобныя. Точно также и отъ Дмитрія Донскаго отъѣхалъ сынъ перваго сановника Москвы, Тысяцкаго Вельяминова; недовольный тѣмъ, что послѣ смерти отца, онъ не получилъ его должности, онъ уѣхалъ въ Тверь, возстановилъ тверскаго князя противъ Москвы, потомъ отправился въ Одру и тамъ

крамольничалъ противъ прежняго своего князя до тѣхъ поръ, пока, будучи схваченъ на возвратномъ пути въ Тверь, онъ былъ казненъ всенародно. Во всемъ этомъ видно одно стремленіе — стремленіе къ личнымъ выгодамъ, которымъ приносится въ жертву все, и служба княжеская и польза отечества и отношенія сословныя, ибо они другъ на друга строили козни точно также какъ строили ихъ на князей. Такъ погибъ московскій Тысяцкій, Алексѣй Петровичъ Хвостъ, тайно убитый знатными врагами, вѣроятно Вельяминовыми, которые заняли его мѣсто.

Однакоже Москва болѣе и болѣе восвышалась и передъ нею исчезали удѣлы. Некуда было отъѣзжать недовольнымъ боярамъ; они стали отъѣзжать въ Литву. Для нихъ, какъ для западныхъ феодаловъ, не было отечества; личныя выгоды были для нихъ дороже всѣхъ благъ въ мірѣ. Уѣхать къ врагамъ и придти огнемъ и мечемъ опустошать отечество было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ. "Ты называешъ насъ измѣнниками", пишетъ къ Ивану Грозному одинъ изъ знатнѣйшихъ и умнѣйшихъ бояръ его, князь Андрей Курбскій, отъѣхавшій въ Литву, "потому что мы вашъ крестъ цаловали. Но мы принуждены были присягать тебѣ поневолѣ, и если кто измѣнитъ

вынужденной присягѣ, то грѣхъ не на томъ кто измѣнилъ ей, а но томъ, кто принуждалъ цаловать крестъ." Кто бы подумалъ, что это писано не Іезуитомъ, а православнымъ русскимъ бояриномъ? Такъ изворотливы они были, когда защищали свои измѣны. "Тожъ же, продолжаетъ Курбскій, кто не бѣжитъ отъ гоненія, тотъ самъ себѣ убійца и противникъ Слову Господа, который говоритъ: если гонятъ васъ въ одномъ городѣ, убѣгайте въ другой. Если же я ходилъ войною на Россію, то я долженъ былъ это сдѣлать по повеленію Сигизмунда, точно также, какъ я по твоему повеленію сжегъ Витебскъ и въ немъ 24 церкви христіанскихъ." Курбскій по крайней мѣрѣ, какъ ревностный христіанинъ, совѣстился идти на Россію съ крымскимъ Ханомъ; другимъ же и это было ни почемъ: князь Семенъ Бѣльскій нѣсколько разъ водилъ Татаръ на отечество. Имъ все равно было, гдѣ служить; недовольные однимъ княземъ, они тотчасъ переѣзжали къ другому. Такъ князь Михаилъ Глинскій, озлобленный на Сигизмунда, отъѣхалъ къ Василію Ивановичу, помогъ ему взять Смоленскъ, и тотчасъ потомъ разсердившись на него, бѣжалъ въ Литву. Однакоже на этотъ разъ это не обошлось ему

даромъ: схваченный на дорогѣ, онъ былъ посаженъ въ темницу.

Въ самомъ дѣлѣ московскіе князья не могли терпѣть подобнаго поведенія. Съ Ивана III. они начинаютъ получать значеніе высшее: изъ вотчинниковъ они становится государями, собирателями и представителями всей русской земли. Съ тѣхъ поръ отъѣздъ они начинаютъ считать измѣною и заставляютъ бояръ, уличенныхъ въ намѣреніи бѣжать, подписывать клятвенныя обѣщанія въ служебной вѣрности. Даже къ удельнимъ князьямъ запрещается отъѣздъ: князь Оболенскій Лыка, лишенный намѣстничества за грабежъ, отъѣхалъ отъ Ивана III. къ брату его, Борису Волоцкому, но былъ по повеленію В. князя схваченъ и ввергнутъ въ тюрьму. Разумѣется, это боярамъ не могло нравиться, но дѣлать было нечего; они были безсильны противъ князя. Занятые исключительно личными выгодами, переѣзжая изъ области въ область, они не думали о пріобрѣтеніи значенія въ народѣ и остались одиноки противъ могучей княжеской власти. Безъ борьбы, безъ насильственнаго переворота — изъ вольныхъ слугъ они прямо сдѣлались холопами, ибо не понимали другаго подданства, кромѣ рабства. Когда читаемъ въ Собраніи Государственнымъ Грамотъ

записи бояръ объ отъѣздѣ, насъ поражаетъ эта внезапная перемѣна. Вмѣсто прежняго слуга, начинаютъ подписываться: холопъ твой такой то. И это единственный признакъ измѣнившихся отношеній! Бывшій удѣльный князь, старшій потомокъ Рюрика, знаменитый бояринъ, бывшій вольный человѣкъ, пишетъ: "холопъ твой Васька или Юшка бьетъ тебѣ челомъ", и это онъ не считаетъ униженіемъ своего достоинства, ибо понятія объ личномъ достоинствѣ не было у нашихъ бояръ.

Однакоже имъ жаль было прежней воли, прежней возможности не знать ни власти, ни отечества. Они повидимому смирились, но мы видѣли уже изъ словъ Курбскаго, какъ они смотрѣли на это насительственное подданство. До временъ Ивана Грознаго мы постоянно видимъ князей и бояръ, которые бѣгутъ въ Литву или же, обличенные въ намѣреніи бѣжать, даютъ на себя клятвенныя записи въ вѣрности подкрепленныя значительными поруками. Трудно стало отъѣзжать, ибо кромѣ вѣрной потери имущества, это значило рисковать своею головою. Но тѣмъ сильнѣе развились внутреннія крамолы. Уже Иванъ III. за тайныя козни казнилъ и заточилъ въ монастырь знатнѣйшихъ бояръ своихъ, князей Риполовскихъ и Патрикѣевыхъ, но пока ихъ сдерживала рука могучихъ

государей, они не могли разгуляться. Когда же послѣ смерти Василія Ивановича остался малолѣтный сынъ его подъ опекою матери, тогда открылось имъ обширное поприще для крамолъ и и беззаконій, тогда они въ полномъ блескѣ показали себя русскому народу.

Одной исторіи малолѣтства Ивана Васильевича Грознаго достаточно, чтобы заклеймить позоромъ русское боярство, чтобы показать какая это была смѣсь корысти и своеволія, какъ мало въ немъ было началъ гусударственнаго порядка. "А какъ Іоаннъ былъ единственно именемъ государь — говорить Карамзинъ — и самая правительница дѣйствовала по внушеніямъ совѣта, то Россія видѣла себя подъ жезломъ возникающей олигархіи, которой мучительство есть самое опасное и самое несносное." Но своеволію мѣшалъ еще князъ Юрій, дядя государя; боярамъ необходимо было его погубить, "Діаволъ вложи имъ мысль сію, говоритъ лѣтописецъ, вѣдяже бо, аще не пойманъ будетъ князь Юрій, не тако воля его совершитца во грабленіи и во убійствахъ." Юрій погибъ, такѣе какъ и братъ его Андрей Старицкій. Бояръ послѣдняго, князей Оболенскихъ, Пронскихъ, Хованскихъ, Палецкихъ высѣкли кнутомъ. Вслѣдъ за тѣмъ бояре отравили правительницу Елену и

уморили голодомъ любимца ея, князя Телепнева Оболенскаго. Тогда началось полное ихъ самовластіе и вмѣстѣ съ тѣмъ страшная картина крамолъ и грабежей. Первые временщикм были Шуйскіе, которые заключили въ темницы своихъ противниковъ свергли метрополита Данила, всѣ мѣста роздали своимъ клевретамъ и начали безпрепятственно властвовать и грабить. "Насъ убо государей своихъ, пишетъ Иванъ IV. къ Курбскому, ни коего промышленія добратнаго не сподобиша, сами же премѣсишася богатству и славѣ и такъ скачаше другъ на друга. И елика сотвориша. Колико бояръ и доброхотныхъ отца нашего и воеводъ избиша, и дворы и села и имѣнія дядъ нашихъ восхитиша себѣ и водворишася въ нихъ! и казну матери нашея перенесли въ большую казну, неистово ногами пхающе и осны (спицами) колюще, иноежъ себѣ розъяша... А казну дѣда и отца нашего безчисленную себѣ поимаша и въ той нашей казнѣ исковавши себѣ сосуды златы и серебряни, и имена на ихъ родителей своихъ подписаша, будто ихъ родительское стяжаніе. По семъ на грады и села наскочиша и тако горчайшимъ мученіемъ, многоразличныя бѣды имѣнія ту живущихъ безъ милости пограбиша. Сосѣдствующимъ же отъ нихъ напасти кто можетъ

исчести? подвластныхъ же всѣхъ аки рабы себѣ сотвориша, свояжъ рабы аки вельможи устроиша, правитижъ мнящесь и строити и вмѣсто сею неправды и нестроенія многая устроиша, мзду же безмѣрную отъ всякихъ избирающе и вся по мздѣ творяще и глаголюще." Что все это не преувеличено видно и изъ разсказовъ лѣтописцевъ, которые свидѣтельствуютъ о страшныхъ грабежахъ и насиліяхъ, какъ въ Москвѣ, такъ и въ областяхъ. "Быша намѣстники на Псковѣ — говоритъ псковской лѣтописецъ — свѣрепи, аки львове, и люди ихъ, аки звѣріе дивіи до крестьянъ." Эти намѣстники были двое изъ знатнѣйшихъ князей русскихъ, потомки Рюрика — князь Андрей Шуйскій и князь Репнинъ Оболенскій. "Они не только угнетали земледѣльцевъ и гражданъ беззаконными налогами, вымышляли преступленія, ободряли лживыхъ доносителей, возобновляли дѣла старыя, требовали даровъ отъ богатыхъ, безденежной работы отъ бѣдныхъ! но въ самыхъ святыхъ мѣстахъ искали добычи съ лютостью монгольскихъ хищниковъ; жители пригородовъ не смѣли ѣздить въ Псковъ, какъ въ вертѣпъ разбойниковъ; многіе люди бѣжали въ другія страны; торжища и монастыри опустѣли." (Карамзинъ.) Къ этому присоединились набѣги Татаръ

и униженіе внѣшнее. Мы были, говоритъ лѣтописецъ, жертвою и посмѣшищемъ невѣрныхъ. Ханъ крымскій прислалъ грозное письмо, и бояре не смѣли отвѣчать, но послали знатнаго посла и купили миръ обязательствомъ не воевать Казани.

Къ счастію Шуйскіе были наконецъ свержены, и правительствомъ овладѣлъ вельможа достойный, князь Иванъ Бѣльскій. Онъ не любилъ боярскаго произвола, и первый, видя насилія намѣстниковъ, началъ замѣнять ихъ властями земскими. Но управленіе его продолжалось только два года. Онъ снова былъ сверженъ Шуйскими, начальниками боярской партіи, и съ нимъ пало начатое имъ дѣло. "И паки намѣстники премогоша, говоритъ лѣтописецъ, а то было добро вельми по всей земли." Опять стали властвовать бояре, и опять начались прежнія смуты и грабежи.

Съ такими то примѣрами передъ глазами воспитывался юный государь. Бояре потакали дурнымъ его страстямъ учили его жестокости, а между тѣмъ заставляли его испить всю чашу оскорбленій, какъ наглымъ своимъ поведеніемъ, такъ и преслѣдованіемъ всѣхъ близкихъ къ нему людей. У него былъ любимецъ Воронцовъ; бояре рѣшились его погубить. "Взолновашася бояре въ столовой избѣ у в. князя на совѣтѣ, говоритъ царственная

книга, и биша его (Воронцова) по ланитамъ, и платіе на немъ ободраша, и хотѣша, его убити... и посла къ нимъ государь митрополита и Ивана и Василья Григорьевыхъ Поплевиныхъ-Морозовыхъ. Они же (т. е. Шуйскіе и другіе бояре) ведоша его (Воронцова) съ в. государя сеней съ великимъ срамомъ бьюще и пхающе на площадь." Одинъ изъ клевретовъ ихъ, Ѳома Головинъ, въ спорѣ съ митрополитомъ, наступилъ ему на мантію и изорвалъ ее въ знакъ презрѣнія.

Но въ этомъ юномъ отрокѣ, оскорбляемомъ и развращаемомъ, готовился имъ грозный государь, мститель за всѣ ихъ неправды. Одаренный отъ природы великимъ умомъ и великою душою, но искаженный смолоду окружавшими его боярами и доведенный до крайности видомъ безпрерывныхъ измѣнъ и козней, онъ явился бичемъ преступной аристократіи, и разсвирѣпѣвъ отъ казней, потоками лилъ кровь не только виновныхъ, но и невинныхъ. Какъ многіе великіе государи западной Европы, которыхъ назначеніе было сокрушить старый порядокъ вещей и на развалинахъ его основать новый, онъ ожесточился, вездѣ видѣлъ измѣны и не разбиралъ уже правыхъ и виноватыхъ. Лежа на смертномъ одрѣ, онъ видѣлъ, какъ самые близкіе къ нему люди крамоль-

ничали, чтобы возвести на престолъ не малолѣтняго сына его, которому по праву принадлежалъ царскій вѣнецъ, а своюроднаго брата, при которомъ они надѣялись управлять государствомъ; онъ видѣлъ какъ бояре всегда были готовы бѣжать къ врагамъ отечества — и рѣшился положить конецъ пагубному порядку вещей. Безъ всякаго милосердія совершалъ онъ казнь за казнью; головы знатныхъ и не знатныхъ лицъ падали подъ сѣкирой, но изъ этой кровавой купели возрождалось юное государство. Великія преобразованія совершены первымъ русскимъ самодержцемъ. Онъ окружилъ себя людьми новыми, незнатнаго происхожденія, и создалъ для нихъ санъ думнаго Дворянина, который впослѣдствіи былъ обезсмертенъ Мининымъ. "Жалуя крестьянъ," онъ отмѣнялъ намѣстниковъ и волостелей и всюду вводилъ власти земскія — старостъ и цаловальниковъ. Онъ видѣлъ, что изъ бояръ нѣтъ прока для государства, что всѣ ихъ стремленія направлены къ личнымъ выгодамъ, а не къ общественному благу, и сталъ искать опоры въ другихъ элементахъ — въ общинахъ и дьякахъ, которые были лучшими орудіями для государственнаго строенія. Общины получили отъ него значительныя льготы; дьяки при немъ замѣнили намѣстниковъ въ управле-

ніи городовъ, и народъ отдохнулъ отъ боярскаго насилія.

Царствованіе Грознаго не положило однако же конца злу. Онъ отъучилъ бояръ отъ отъѣздовъ, но не могъ отъучить ихъ отъ крамолъ. Едва прекратилась династія Рюриковичей, какъ снова вспыхнули мятежи; боярскія козни еще разъ поставили Россію въ такое бѣдственное положеніе, что она едва могла выдти изъ него при напряженіи всѣхъ внутреннихъ силъ своихъ. Безсильные противъ Годунова, бояре прибѣгли къ новому, неслыханному дотолѣ средству: они возстановили Самозванца. У нихъ онъ воспитывался, отъ нихъ получилъ знаки, обманувшіе и польскихъ вельможъ и русскихъ людей, по ихъ наущенію отправился въ Литву и выдалъ себя за царевича Дмитрія. Съ иноплеменными врагами вторгся онъ въ Россію, и одинъ за другимъ бояре передались ему. Изъ числа первыхъ измѣнниковъ были — князь Долгорукій-Роща, князь Рубецъ-Масальскій, потомъ вожди силъ Борисовыхъ — князья Голицыны, Салтыковъ Шеремете въ и самъ Басмановъ, любимецъ Годунова, прельщенный боярами. Какъ скоро послы Самозванца явились къ Москвѣ, бояре выѣхали къ нимъ на встрѣчу, низвергли и заточили Патріарха и довершили все дѣло цареубій-

ствомъ. Но Самозванецъ былъ только ихъ орудіемъ. Не прошло и года со времени его воцаренія, какъ снова составился заговоръ и вспыхнуло возмущеніе. Самозванецъ былъ убитъ; безъ вѣдома земли выбранъ былъ царь изъ бояръ, и власть его ограничена боярскою думою.

Цѣль была достигнута; правленіе было въ ихъ рукахъ. Казалось бы, Россія могла теперь успокоиться. Но сколько могучи были они въ тайныхъ козняхъ и измѣнахъ, столько безсильны въ управленіи государствомъ. Вызвавши наружу всѣ темныя силы общественныя, они не умѣли снова усмирить ихъ. — Между ними самими не было согласія и знатныя люди первые возстали на новаго царя. Едва лишь вступилъ онъ на престолъ, какъ князь Григорій Шаховскій началъ собирать войско, распустивши слухъ, что царевичъ Дмитрій живъ, а князь Телятевскій выставилъ крѣпостнаго своего человѣка Болотникова, который съ своими полчищами привелъ въ трепетъ самую Москву. На этотъ разъ однакоже царь успѣлъ справиться съ мятежемъ, но главные виновники были пощажены по знатности рода. Но вскорѣ явился и другой Самозванецъ; этому уже никто не вѣрилъ; однакоже и къ нему начали стекаться бояре — князь Катыревъ Ростовскій,

князь Юрій Трубецкой, Троекуровъ. И эти были схвачены и снова по знатности рода избѣгли наказанія, тогда какъ менѣе знатные были казнены смертью. Казалось у царя была власть единственно для помилованія знатныхъ измѣнниковъ; немудрено, что никто не хотѣлъ ему повиноваться. Вся Россія пришла въ смятеніе, и новый Самозванецъ усилившись, осадилъ наконецъ и Москву, но послѣ тщетныхъ приступовъ отступилъ и занялъ въ окресностяхъ ея село Тушино. Сюда съѣхались къ нему изъ Москвы знатные родичи: пріѣхалъ и бояринъ Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ и кн. Рубецъ-Масалскій и Дмитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой и Дмитрій Мамстрюковичъ Черкасскій, и кн. Мещерскій и кн. Хворостининъ и Сицкіе и Засѣкины, и Плещеевы и Бутурлины. Тушинскій лагерь превратился въ блестящій дворъ; гнусный Самозванецъ раздавалъ старинымъ боярамъ почести и земли, и бояре съ радостью принимали ихъ, готовые на все для корысти. Пользуясь смятеніемъ, явились въ Россію польскія шайки, Сигизмундъ осадилъ Смоленскъ, и Россія находилась на краю гибели, когда еще разъ явился герой-побѣдитель, к. Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій. Но юный вождъ палъ, отравленный боярами; за нимъ слетѣлъ съ престола и безсиль-

ный царь, возведенный аристократію и Дума осталась во главѣ государства.

Чѣмъ же ознамѣновала она свое правленіе? Малодушіемъ и корыстью. Послѣ постыднаго пораженія предводителей боярскаго войска ничтожными силами гетмана Жолкѣвскаго, Дума предложила русскій вѣнецъ польскому царевичу, котораго предки вѣчно враждовали съ Россіею, котораго отецъ въ то самое время стоялъ какъ явный врагъ подъ стѣнами русскаго города. Мало того: заключивши съ Жолкѣвскимъ условіе о томъ, чтобы Поляки не вступали въ Москву, бояре первые просили его зѣнять ее иноплеменною дружиною; они выдали Полякамъ прежняго царя своего, который отвезенъ былъ въ плѣнъ, и послали къ Сигизмунду посольство, чтобы просить Владислава на царство. Послы наши вели себя мужественно и твердо, они видѣли, что Сигизмундъ хочетъ вѣнецъ для себя, а не для сына, и не уступали ни шагу, ибо не хотѣли видѣть на русскомъ престолѣ царя неправославнаго. Но не такъ дѣйствовала Дума, правительница государства. Она предписывала посламъ уважать волю Сигизмунда, предписывала смоленскимъ воеводамъ отворить ворота польскимъ войскамъ, и сама писала къ польскому королю съ подписью: всея Россіи Само-

держцу. Лагерь подъ Смоленскомъ представилъ тогда позорное зрѣлище корысти и униженія; изъ Москвы ѣздили къ Сигизмунду знатныя, а за ними и незнатныя лица съ дарами и поклонами, чтобы выпросить себѣ милости, земли и почести. Польскій король раздавалъ ихъ, и Дума безпрекословно исполняла его повелѣнія, ибо сама была участница въ корыстныхъ продѣлкахъ. Въ числѣ получившихъ милости встрѣчаются и старые бояре тушинскіе — Салтыковъ, Рубецъ-Масальскій, Хворостининъ, Мещерскій, переѣзжавшіе изъ стана въ станъ къ тому, у кого надѣялись больше получить; встрѣчаются и другіе — князь Ромодановскій получившій отъ Сигизмунда помѣстья и санъ боярина, князь Юрій Никитичъ Трубецкой получившій деньги на подмогу и непомѣщенный за вѣрную службу, князь Долгорукій, Звенигородскій, Апраксинъ, Безобразовъ.

Казалось, Россія погибала. Откуда же явился спаситель? Кто первый поднялъ знамя на иноземцевъ? Московскій-ли знатный бояринъ, членъ-ли правительственной аристократіи? — Нѣтъ, рязанскій дворянинъ, Прокопій Петровичъ Ляпуновъ. Онъ поднялъ кличъ по русской землѣ и пошелъ дружиною на Москву, чтобы исторгнуть ее у Поляковъ. Дума объявила его измѣнникомъ,

послала на него доносъ Сигизмунду, но Ляпуновъ отказалъ боярамъ въ повиновеніи, отвѣчалъ имъ, "что они прельстяся на славу вѣка сего, Бога отступили и приложилися къ Западнымъ и къ жестокосердымъ, на своя овца обратились." Первое условіе, положенное имъ съ войскомъ на случай удачи, заключалось въ томъ, чтобы отобрать помѣстья у людей сильныхъ, которые завладѣли ими въ смутныя времена безъ земскаго приговора и раздать ихъ скуднымъ дѣтямъ боярскимъ.

Ляпуновъ палъ убитый Казаками, но дѣло его не погибло. Опять возсталъ спаситель, и опять незнатнаго происхожденія, не потомокъ княжескаго рода, но простой нижегородскій мѣщанинъ, Козьма Миничъ Сухорукій. Этотъ великій мужъ довершилъ свое дѣло и спасъ отечество. Возбудивъ Нижегородцевъ къ подвигамъ самоотверженія, онъ по всей землѣ разослалъ грамоты, призывая народъ къ возстанію, собралъ войско и ввѣрилъ начальство надъ нимъ стольнику, сражавшемуся подъ знаменами Ляпунова, князю Пожарскому, потомку Рюрика, но изъ рода потерявшаго свою прежнюю знатность. Пожарскій соединился съ Трубецкимъ и подступилъ къ Москвѣ. Но и здѣсь Россія едва не погибла отъ боярскихъ притязаній; начальникъ тушинскихъ полчищъ,

получившій санъ боярскій отъ Самозванца, князь Дмитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой, не хотѣлъ сражаться въ однихъ рядахъ съ стольникомъ Пожарскимъ. Едва могъ Мининъ убѣдить его подать помощь въ рѣшительную минуту. Однакоже Поляки были разбиты и Россія ввергнутая въ бѣду боярскими крамолами, была спасена совокупными силами русскаго народа.

Михаилъ Ѳедоровичъ, выбранный среди смутъ, былъ еще малолѣтенъ — окруженный врагами внутренными и внѣшними, онъ не успѣлъ еще утвердиться на престолѣ, а потому и бояре пользовались при немъ нѣкоторою властью и по обыкновенію употребляли эту власть во зло. "Но и сему благочестивому и праведному царю, говоритъ лѣтописецъ, смиренія его ради не безъ мятежа сотвори ему державу врагъ діаволъ древній, возвыся паки владущихъ на мздоиманіе; наипаче же насиловаху православныхъ, емлюще въ работу сильно себѣ. Начали, продолжаетъ онъ, люди собираться по городамъ, выходя изъ плѣна литовскаго и немѣцкаго; они же (бояре) окаянные какъ хищные волки брали ихъ себѣ, потому что забыли страхъ Божій, и наказаніе посланное на нихъ Господомъ за ихъ насилія. Опять стали они поступать по прежнему, а царя вмѣняли ни во что,

потому что онъ былъ малолѣтенъ. Посадили его на царство и взяли съ него клятву, чтобы изъ рода княжескаго и боярскаго никого не казнить за преступленія, а ссылать ихъ въ заточеніе; за сосланныхъ же они ходатайствовали передъ царемъ и возвращали имъ прежнюю милость. Всю землю русскую раздѣлили они по своей волѣ, и взяли себѣ царскія села, а царь того не зналъ, потому, что переписныя книги погибли въ смутное время. На царскія потребности и расходы собирали они со всей русской земли оброки и дани и пятую часть имѣнія у тяглыхъ людей, собственные же доходы царя имъ же государь раздавалъ въ кормленіе. "Сицево бѣ попеченіе боярско о земли русской."

Но Алексѣй Михаиловичъ почувствовалъ уже свою силу и не слушался боярской думы. Всѣ дѣла, говоритъ Котошихинъ, рѣшалъ онъ самъ, или въ тайномъ приказѣ по совѣту съ близкими людьми. Эти близкіе люди были временщики, которые пользовались его довѣріемъ: Морозовъ, Матвѣевъ, Ордынъ-Нащокинъ, Никонъ, возведенный имъ въ санъ Патріарха и сверженный опять когда вздумалъ противиться царскому самодержавію. Бояре, потерявши прежнее могущество и показавши въ смирное время все свое ничтожество,

не смѣли уже крамольничать. Но имъ оставалось еще одно средство вредить государству безсмысленными своими притязаніями, и этимъ средствомъ они пользовались до сыта. Это было мѣстничество.

Не разъ уже было замѣчено, что понятія о личномъ достоинствѣ человѣка не было у нашихъ бояръ. Въ грамотахъ царю они писались холопами и полуименами, правильнѣе кличками; лежа въ ногахъ они вымаливали прощеніе у тѣхъ, кому выдавались головою въ спорахъ о мѣстничествѣ; ихъ пороли розгами, били батогами; все это было имъ ни почемъ. Но не могли они терпѣть, чтобы кто нибудь низшій породою зянималъ мѣсто выше ихъ, хотя бы за столомъ или въ придворной церемоніи. Это они считали величайшимъ оскорбленіемъ своей чести и никакая власть не могла заставить ихъ принять такое мѣсто. "Царь, говоритъ Кошихинъ велитъ посадити за столъ сильно, а онъ посадити себя не даетъ... А какъ его посадятъ сильно, и онъ подъ нимъ не сидитъ, а выбивается изъ за стола вонъ... и кричитъ: хотя де царь ему велитъ голову отсѣчь, и ему подъ тѣмъ не сидѣть, и спустится подъ столъ." Тоже самое бывало и на войнѣ и на государственной службѣ. Родовыя

отношенія были чрезвычайно запутаны и нельзя было сдѣлать назначеніе, чтобы тотчасъ не поступило множество жалобъ. Понятно, какой вредъ происходилъ отъ этого для службы: бояре отказывались служить, не принимали мѣстъ, бѣжали съ поля битвы, ссорились, не помогали другъ другу, нарочно пригрывали сраженія. Вся неудача второй польской войны при Алексѣѣ Михаиловичѣ произошла отъ мѣстническихъ счетовъ воеводъ. Споramъ не было конца, страшно посмотрѣть на количество дошедшихъ до насъ дѣлъ, хотя большая часть ихъ была сожжена Ѳедоромъ Алѣксѣевичемъ. Личному достоинству не было мѣста, ибо какъ скоро возвышалось новое лицо, тотчасъ являлись протесты знатныхъ особъ, которыя считали себя обиженными его возвышеніемъ. Это не былъ протестъ сословія во имя правъ сословныхъ; въ этомъ все еще было бы какое нибудь общесѣвенное начало. Это былъ протестъ каждаго отдѣльнаго лица во имя личныхъ и родовыхъ своихъ правъ и притязаній. Здѣсь же общественныхъ началъ не понимали, а знали только частные свои интересы. Это было продолженіе тѣхъ же не имѣющихъ разумнаго основанія притязаній на высшыя значенія въ государствѣ, которыя мы видѣли впродолженіе всей

исторіи, но въ мѣстничествѣ эти притязанія вращались уже въ болѣе ограниченной сферѣ.

Долго боролись съ этимъ московскіе государи и долго не могли побѣдить. Весь XVI и почти весь XVII вѣкъ наполнены мѣстническими счетами и спорами. Пока англійскіе аристократы совершали блестящіе подвиги, наши бояре мѣстничались! Это было главнымъ дѣломъ ихъ жизни, ибо въ этомъ они полагали всю свою честь.

Однакоже и этимъ притязаніямъ положенъ былъ конецъ. Въ 1682 г. Ѳедоръ Алексѣевичъ торжественнымъ актомъ уничтожилъ мѣстничество и велѣлъ сжечь разрядныя книги. Вмѣсто ихъ была заведена родославная книга, нынѣ называемая бархатною, единственно для сохраненія памяти о предкахъ. Она составилась чисто случайнымъ образомъ — множество древнихъ родовъ сюда не вошло, не извѣстно по какимъ причинамъ, вѣроятно большею частью но небрежности, ибо государственнаго значенія она не имѣла. Но изъ ея содержанія мы можемъ составить себѣ понятіе о составѣ древнаго русскаго дворянства. Разбирая національность отдѣльныхъ родовъ, мы находимъ, что за исключеніемъ 164 родовъ Рюриковичей, потомковъ князей варягскихъ и 96 родовъ неизвѣстно откуда пришедшихъ — въ родословной книгѣ

только 36 родовъ русскихъ и 551 въѣхавшихъ въ Россію изъ разныхъ странъ, какъ то: изъ Франціи, Англіи, Италіи и Цесаріи, Венгріи и проч., изъ Пруссіи 65, изъ Польши и Литвы 215, изъ Нѣмцевъ и Варягъ 56, изъ Грековъ, Сербовъ и проч. 17, изъ разныхъ татарскихъ ордъ Сарацынъ, Персіи, Кафы, Грузіи 143. Мудрено ли послѣ этого, что бояре и слуги не знали отечества, что они не имѣли никакой связи съ народомъ? Они съѣхались въ Россію для личныхъ цѣлей, чтобы нажиться, гдѣ можно и этотъ характеръ они передали потомкамъ. Впродолженіе всей исторіи бояре остались старыми дружинниками, т. е. сбродомъ людей разныхъ племенъ и породъ, но одиноко имѣющихъ въ виду только частныя свои выгоды и личныя свои притязанія.

Съ уничтоженіемъ мѣстничества и наступающею за тѣмъ эпохою Петра I., кончается собственно исторія боярства. Мѣстничество давало имъ способъ не допускать въ ряды свои людей незнатнаго происхожденія. Трудно было даже царскимъ любимцамъ пробиться сквозь эту преграду. Велѣдствіе этого бояре составляли какъ бы родъ сословія, хотя по малому развитію юридическихъ понятій, это сословіе не имѣло никакихъ законныхъ формъ и внутри себя не составляло

единаго цельнаго тѣла. Но какъ скоро уничтожены были притязанія, уничтожено было и значеніе бояръ. Петръ I. нанесъ имъ окончательный ударъ установленіемъ табели о рангахъ. Это было въ свое время великое учрежденіе. Вмѣсто ступеней, между которыми не было никакой связи, какія были въ древней Россіи, установлена была лѣстница чиновъ непрерывно слѣдующихъ другъ за другомъ и по которой каждый дворянинъ могъ восходить по мѣрѣ заслугъ. Личному достоинству открылось свободное поприще; высшія почести въ государствѣ могли достаться людямъ самаго низкаго происхожденія. Тогда какъ Мининъ, спаситель отечества, могъ быть только Думнымъ Дворяниномъ; тогда какъ Пожарскій, еще не отдохнувшій отъ подвиговъ, былъ выданъ головою ничтожному, но знатному боярину Салтыкову, Петръ I. посадилъ торговца блинами на первое мѣсто послѣ государя. Коллегіи онъ наполнилъ пленными Шведами, выписалъ изъ за границы безродныхъ пришельцевъ и роздалъ имъ высшія государственныя должности. Боярство было уничтожено, и бояре слились съ общею массою дворянства, которое имѣло совершенно другое значеніе. Первые были остаткомъ средневѣковыхъ дружинъ, гдѣ общественнымъ началамъ не было

мѣста, гдѣ все основывалось на силѣ и могуществѣ каждаго лица, на личныхъ и родовыхъ правахъ и притязаніяхъ, которыя и составляли отличительный признакъ знатныхъ людей, отдѣлявшій ихъ отъ остальнаго служилаго сословія. Дворянство напротивъ того, хотя также произошло изъ средневѣковыхъ дружинъ, но сдѣлалось сословіемъ государственнымъ, котораго признакомъ было постоянно служить отечеству на полѣ брани и въ дѣлахъ гражданскихъ. Дворянство поэтому сохранено было Петромъ I., который далъ ему еще болѣе гражданской опредѣленности, нежели оно имѣло прежде.

Вслѣдствіе этихъ преобразованій знатные роды смѣшались при дворѣ и на службѣ съ незнатными выскочками, но попытки ихъ возвратить себѣ прежнее значеніе этимъ не кончились. Великій императоръ лежалъ еще на смертномъ одрѣ, какъ уже начались придворныя интриги. Старые бояре хотѣли возвести на престолъ Петра II. съ тѣмъ, чтобы управлять его именемъ. Одни желали возстановленія прежняго порядка вещей, другіе введенія конституціи на подобіе шведской, гдѣ власть монарха ограничивалась аристократіею. Однакоже на этотъ разъ предпріятіе не удалось. Меншиковъ принялъ рѣшительныя мѣры, и знатные

бояре остались безмолвными передъ временщикомъ. Но послѣ смерти Екатерины въ малолѣтство Петра II. настала ихъ пора, дѣйствовать открыто они не смѣли; для этого не доставало у нихъ ни силы, ни способностей, ни отваги. Темными интригами, воспользовавшись болѣзнью Меншикова, успѣли они его свергнуть, и начали властвовать, потакая страстямъ молодаго императора, развращая его нравы, вкрадываясь въ его довѣренность, стараясь связать его съ собою родствомъ, чтобы тѣмъ подчинить его вліянію олигархіи.

Но Петръ II. вскорѣ умеръ, и правленіе осталось въ рукахъ Ворховнаго Тайнаго Совѣта, гдѣ властвовали старые аристократы — князья Долгорукіе и Голицыны. Еще разъ открылась имъ возможность осуществить свои замыслы, и снова явились они достойными преемниками малодушной и крамольной думы московской. Они не думали о пользѣ государства, о возведеніи на престолъ законныхъ наслѣдниковъ. Мимо дочерей Петра I., мимо старшей дочери Ивана Алексѣевича, не спросившись другихъ властей и сословій, по собственному произволу избрали они на царство вдовствующую герцогиню курляндскую, Анну Ивановну, надѣясь навязать ей выгодныя для себя условія и пользуясь ея слабостью править государствомъ.

О правахъ народа здѣсь не было и рѣчи; какое дѣло было имъ до народа? Вся цѣль состояла въ томъ, чтобы ограничить самодержавіе въ пользу олигархіи; все клонилось единственно къ выгодамъ личнымъ. Московская боярская дума, которая при Шуйскомъ ограничивала царскую власть, по крайней мѣрѣ состояла изъ многихъ знатныхъ бояръ. Верховный же Тайный Совѣтъ, который долженъ былъ сдѣлаться главнымъ правителемъ государства, состоялъ изъ девяти членовъ, а господствовали въ немъ два семейства, въ пользу которыхъ и должно было совершиться измѣненіе формы правленія.

Цѣль была слѣдственно чисто корыстная, ей соотвѣтствовало исполненіе. Рѣшивъ дѣло между собою, вельможи старались держать его въ тайнѣ. Вездѣ разставлены были стражи, чтобы никто не могъ проѣхать въ Курляндію и извѣстить о томъ будущую императрицу. Главный зачинщикъ всей интриги, кн. Василій Лукичъ Долгорукій, самъ отправился въ Митаву чтобы заставить Анну Ивановну подписать условія, будто бы по желанію всего государства. Но Анна была уже извѣщена о томъ, что ее хотятъ обмануть, и рѣшалась сама обмануть заговорщиковъ. Она подписала условія и отправилась въ Москву въ сопровожденіи князя

Долгорукаго, который находился при ней безотлучно и безъ своего позволенія не допускалъ къ ней никого, боясь чтобы не открыли ей глаза.

Въ Москвѣ дѣйствія вельможъ были еще позорнѣе. Достигнувъ своей цѣли, они не смѣли объявить о томъ всенародно, не смѣли прислать въ Синодъ вновь сочиненную присягу, не смѣли даже написать присягу довольно опредѣлительно, чтобы показать въ ней вновь установленныя ограниченія самодержавія. Они вдругъ послали сказать Синоду, что всѣ собрались уже въ церкви для присяги, и когда синодальные члены просили громогласнаго ея прочтенія они противились этому и уступили только настоятельнымъ требованіямъ. Но прочтенная форма присяги была такъ составлена, что самые приверженцы самодержавія могли по ней цаловать крестъ.

Между тѣмъ начали распространяться слухи, которые возбудили всеобщее негодованіе. Въ особенности недовольны были вельможи исключенные изъ олигархическаго правленія. Они собрались и рѣшились поднести императрицѣ прошеніе объ отмѣненіи подписанныхъ условій. Тщетно князь Василій Лукичъ Долгорукій убѣждалъ депутацію вручить прошеніе ему для передачи императрицѣ; тщетно онъ умолялъ императрицу не принимать

депутацію. — Они приняла ее, разорвала вынужденную грамоту и виновныхъ сослала въ дальнія губерніи. Главные были впослѣдствіи казнены.

Такъ кончилась эта попытка, которая была ничто иное, какъ низкая и темная интрига въ пользу нѣсколькихъ частныхъ лицъ. Русскіе вельможи показали здѣсь и корысть, и безсиліе и малодушіе. Глубоко пало боярство, которое и въ блестящее свое время не отличалось высокими стремленіями. Но за это была уже послѣдняя его попытка воскресить старыя свои притязанія. Послѣ этого древнія роды совершенно силились уже съ возникшими вновь. Вмѣстѣ они стали въ рядахъ царедворцовъ — вмѣстѣ раболѣпствовали передъ Бирономъ — вмѣстѣ помагали ему сдѣлаться правителемъ, когда сама императрица Анна не хотѣла подписать постановленія о регентствѣ — вмѣстѣ льстили и царямъ и временщикамъ, выпрашивали себѣ чины и помѣстья, участвовали въ придворныхъ интригахъ, разбойническимъ образомъ убивали государей, которыхъ по чему либо опасались, но о правахъ боярскихъ не было уже рѣчи. Люди новые совершенно даже затмили собою старую знать. Всѣ царскіе любимцы, имѣвшіе значительное вліяніе на государственныи дѣла, возникли изъ ничтожества. Таковы были — Менщи-

ковъ, Бирономъ, Шуваловы, Разумовскіе, Орловы, Потемкинъ, Зубовы, Аракчеевъ. Съ другой стороны и большая часть людей, отличившихся на томъ или другомъ поприщѣ, и оказавшихъ истинныя услуги отечеству, были люди новые. Внѣшними сношеніями постоянно управляли дипломаты не знатнаго происхожденія, каковы были Шафировъ Головкинъ, Остерманъ, Бестужевъ, Панинъ, Безбородко, Румянцевъ. Если посмотримъ на военную службу, то и здѣсь надъ именами Шереметева, Голицина, Долгорукаго-Крымскаго, Рѣпнина далеко возвышаются имена Минина, Румянцева, Суворова, Кутузова, Барклая, все людей незнатныхъ возвысившихся одними своими заслугами. — Изъ сподвижниковъ Екатерины на поприщѣ гражданскомъ, кромѣ Панина и Безбородка въ числѣ людей возникшихъ вновь мы видимъ еще Завадовскаго, Бецкаго, Чернышева,*) и только одинъ Вяземскій занимавшій должность генералъ-прокурора, явился представителемъ древнихъ родовъ. Вспомнимъ, что и недавно скончавшійся

*) Отецъ Захара Григорьевича Чернишева, графъ Григорій, который первый возвысилъ свой родъ, началъ съ того, что былъ денщикомъ у Петра I. Первый графъ Румянцевъ былъ также бѣдный дворянинъ, который Петромъ былъ взятъ въ ординарцы. Сынъ его былъ фелдьмаршалъ, а внукъ канцлеръ.

послѣдній государственный мужъ, графъ Сперанскій вышелъ изъ низшихъ слоевъ общества и одними заслугами возвысился до высшихъ почестей государственныхъ.

Старая знать не отличалась способностями, точно также, какъ не отличалась она и образованностью. Если прежде Петра она съ лобою аристократіею могла поспорить въ невѣжествѣ, то немного выиграла она послѣ преобразованія. Насильно сблизившись съ народами западной Европы, она прельстилась однимъ внѣшнимъ блескомъ и великолѣпіемъ переняла у ихъ платье, моды, роскошь, языкъ, но не переняла истиннаго просвѣщенія, государственнаго смысла, любви къ наукѣ и искуству. Она забыла родной свой языкъ, стала презирать свое отечество и свой народъ, и совершенно отдѣлившись отъ него, образовала особенный міръ, гдѣ нѣтъ ни національности космополитической, ни понятія объ общественной пользѣ, а есть только поверхностный лоскъ и стремленіе къ личнымъ цѣлямъ и выгодамъ. Древніе бояре, расходясь съ народомъ въ своихъ интересахъ, по крайней мѣрѣ уподоблялись ему нравами, понятіями, языкомъ. Нынѣшняя знать не сохранила и этого сходства — она отвергла родной языкъ и обычаи. Междоумки,

не имѣющіе корня нигдѣ, они поневолѣ должны примѣняться ко двору, чтобы мнимою преданностію и лицемѣрными угожденіями какъ нибудь упрочить свое положеніе. Только въ послѣднее время изъ угожденія къ покойному государю, знатныя лица вдругъ полюбили все русское. Но что они разумѣютъ подъ именемъ "Русскаго," трудно сказать; кажется болѣе всего придворное раболѣпство. Едва лепеча на родномъ языкѣ, они не знаютъ ни русскаго духа, ни русскаго народа, ни русской исторіи, и въ стараніи своемъ казаться истинно-Русскими, они похожи на тѣхъ обезъянъ, которыя, хотя и подражаютъ всѣмъ человѣческимъ дѣйствіямъ, но все же сохраняютъ свои обезъянскія ухватки.

Такова исторія нашей аристократіи. Въ началѣ, въ періодъ удѣльный, мы видимъ членовъ дружины искавшихъ добычи, питавшихся насиліями и грабежами. Отъ нихъ произошли московскіе бояре, мятежные и крамольные, едва не погубившіе Россію и готовившіе ей участь Польши. Отъ бояръ же произошли корыстные и раболѣпные царедворцы, отвергшіе послѣднее народное достояніе — отечественный языкъ. Но во всѣ три эпохи они остались вѣрны себѣ; со всѣхъ концовъ свѣта съѣхались они въ Россію, чтобы

награбить себѣ достояніе, чтобы своевольничать и нажиться на счетъ народа и этотъ характеръ они сохранили до конца. Не было въ нихъ и тѣни государственныхъ началъ; не было стремленій на пользу общественную; все клонилось и клонится къ однимъ личнымъ выгодамъ.

Но рядомъ съ этимъ впродолженіи всей исторіи, мы видимъ другое знаменительное явленіе — это высокое значеніе государя, представителя земли и народа. Изъ вождей дружины князя дѣлаются сначала вотчинниками, а потомъ государями, и вступаютъ въ борьбу съ прежними товарищами, которые не хотятъ покориться новымъ началамъ. Послѣ долгихъ смутъ и бореній они успѣваютъ наконецъ изъ вольныхъ слугъ превратить ихъ въ холоповъ; но духъ мятежа и своеволія не исчезаетъ и цари московскіе снова должны бороться съ боярскими кознями. Однакоже съ помощью народа они одолѣваютъ крамолы и уничтожаютъ несовмѣстныя съ государственнымъ порядкомъ мѣстническія права. Въ третью эпоху, въ эпоху императорскую бояре оставляютъ уже прежнія свои притязанія, оставляютъ и названіе холоповъ какъ неблаговидное, но въ сущности остаются — царедворцами. Разъ въ коренившіяся привычки проникаютъ все глубже и глубже. Смѣшавшись

съ толпою вновь возникшихъ родовъ, старая знать вмѣстѣ съ новой окружаетъ престолъ; заслоняя собою царя, она старается отвлечь его отъ народа и обратить его власть на собственную пользу. Потворствуя страстямъ самодержцевъ, раболѣпствуя подъ видомъ усердія, царедворцы стараются внушить монархамъ что народъ опасенъ, что въ нихъ однихъ спасеніе и опора престола; изъ царей какъ представителей государства, они хотятъ сдѣлать помѣщиковъ, управляющихъ посредствомъ и въ пользу своихъ дворовыхъ людей. Голосъ общественный, голосъ правды не допускается, независимыя мнѣнія преслѣдуются — все должно безмолствовать и склоняться, какъ будто бы изъ почтенія къ царю, а въ сущности для пользы и по наущенію царедворцевъ, которые при такой только системѣ могутъ сохранить свое мѣсто и значеніе. Эта новая форма аристократіи едва ли неопаснѣе для государства прежнихъ бояръ, Здѣсь царь долженъ бороться уже не съ явной враждой, даже не съ тайными кознями отъ которыхъ можно остеречься, а съ видимою любовью и преданностью. Онъ долженъ вырваться изъ среди людей благоговѣющихъ передъ нимъ, видѣть враговъ государства въ лицахъ самыхъ близкихъ къ нему; онъ долженъ не подчиняться лести, убивать

свое тщеславіе и самолюбіе, умѣрять врожденную человѣку наклонность къ самовластію. Такой то трудный для человѣка подвигъ предстояло совершить нашимъ государямъ; имъ нужно было побѣдить не однихъ внѣшнихъ враговъ, но и самихъ себя, собственныя страсти, разжигаемыя окружающими ихъ людьми. Была ли эта борьба такъ удачна, какъ удачна была борьба съ древними дружинниками и боярами? Успѣли ли наши государи отстраниться отъ вліянія той корыстной и развращенной среды, которая окружаетъ престолъ ихъ? Не намъ проникать въ царскую душу и обсуждать внутреннія побужденія нашихъ монарховъ. Но мы не можемъ воздержаться отъ указанія на одну черту, къ счастію давно уже отжившую, но которой послѣдствія составляютъ до нынѣ одну изъ самыхъ чувствительныхъ, общественныхъ язвъ. Это не знавшая никакихъ предѣловъ расточительность въ раздачѣ государственныхъ крестьянъ, что составляетъ источникъ богатства большой части нынѣшней знати. Сама Екатерина II. не умѣла отъ эгого удержаться, и сотни тысячь людей сдѣлались крѣпостными — для удовлетворенія алчности любимцевъ, не оказавшихъ никакой услуги государству.

На что же, спросимъ мы послѣ этого, могутъ

сослаться нынѣшніе вельможи для оправданія своихъ надеждъ? Что сдѣлали предки ихъ для Россіи? Предки римскихъ гусей по крайней мѣрѣ Римъ спасли. Предки же нашихъ гусей даже и Рима не спасали, а если они отечества не погубили, то конечно не ихъ была вина. Они съ своей стороны сдѣлали все, что могли.

Но чтобы еще болѣе подтвердить наши выводы, чтобы показать какъ историческую безплодность нашей аристократіи, такъ и ея постепенный упадокъ, взглянемъ на исторію отдѣльныхъ родовъ. Мы видѣли, что большинство нашей знати было всегда корыстно, развращенно и неспособно; мы видѣли также, что значительнѣйшія лица въ русской исторіи были люди незнатнаго происхожденія. Но не можетъ быть, чтобы аристократія такъ долго занимавшая высшія государственныя должности, имѣвшая всѣ средства дѣйствовать и образоваться, не выставила множества замѣчательныхъ лицъ, прославившихъ и родъ свой и отечество. Посмотримъ же сколько ихъ наберется. Возмемъ россійскую родословную книгу, недавно изданную княземъ Долгорукимъ, и сравнивая ее съ Словаремъ достопамятныхъ людей, прослѣдимъ исторію предковъ нынѣ существующихъ знатныхъ родовъ, разумѣется, оставляя въ сторонѣ живыхъ, о кото-

рыхъ говорить было бы неумѣстно, тѣмъ болѣе, что дѣло идетъ о предкахъ, а не о потомкахъ.

На первомъ планѣ стоятъ въ Родословной князья Рюрикова дома и прежде всѣхъ Одоевскіе. Въ Словарѣ мы не находимъ ни однаго замѣчательнаго лица изъ этого рода, но князь Долгорукій увѣряетъ — что бояринъ Никита Ивановичъ Одоевскій былъ однимъ изъ первыхъ государственныхъ мужей Россіи въ XVII. вѣкѣ, потому что онъ ѣздилъ посломъ въ Польшу, управлялъ двумя приказами и предсѣдательствовалъ въ коммиссіи составлявшей Уложеніе. Что онъ при томъ совершилъ достопамятнаго, объ этомъ исторія умалчиваетъ; на сколько онъ участвовалъ въ составленіи Уложенія, это также не извѣстно, но извѣстно то, что въ старину дѣльцы были не бояре, а дьяки. И такъ мы князя Никиту Ивановича никакъ не можемъ причислить къ замѣчательнымъ лицамъ въ нашей исторіи. Скорѣе бы можно было упомянуть о современномъ намъ князѣ Одоевскомъ, который по крайней мѣрѣ составилъ себѣ имя въ литературѣ, но о живыхъ мы не говоримъ, а потому перейдемъ къ другимъ. За Одоевскимъ слѣдуютъ князья Кольцовы-Масальскіе, Горчаковы, Елецкіе, Звѣнигородскіе, между которыми изъ числа 220 умер-

шихъ уже лицъ нѣтъ ни однаго замѣчательнаго. Борятинскихъ въ Словарѣ мы находимъ трехъ: 1) князь Иванъ Ѳедоровичъ, который одолженъ своимъ возвышеніемъ тому, что въ числѣ другихъ вельможъ, исключенныхъ изъ олигархіи, способствовалъ возвращенію самодержавія Аннѣ Ивановнѣ. Впрочемъ достопамятнаго ничего не совершилъ. 2) Внукъ его, князь Ѳеодоръ Сергѣевичъ, произведенный въ оберъ-гофмаршалы и дѣйствительные статскіе совѣтники за то, что удушилъ Петра III. 3) князь Иванъ Сергѣевичъ, который за заслуги брата получилъ мѣсто посланника въ Парижѣ, гдѣ продавался его портретъ съ надписью: un beau Russe. Кажется, этими хвастаться нельзя, перейдемъ къ другимъ.

Изъ князей Оболенскихъ находимъ въ Словарѣ трехъ полководцевъ XV вѣка, но принадлежащихъ къ отраслямъ давно угасшимъ — Лопата-Телепневыхъ, Овчина-Телепневыхъ и Стричъ; изъ предковъ же нынѣшнихъ князей нѣтъ ни однаго замѣчательнаго лица. Затѣмъ слѣдуетъ многочисленный родъ князей Долгорукихъ, въ числѣ которыхъ мы наконецъ находимъ нѣсколько лицъ, дѣйствительно прославившихъ свое имя въ исторіи. Въ Словарѣ помѣщено ихъ одинадцать; въ Родословной къ этому числу прибавляется еще князь Долгору-

кій-Роща, защитникъ Троицкой Лавры противъ Сапѣги. По краткости замѣчаній авторъ не могъ упомянутъ о томъ, что князь Долгорукій-Роща былъ изъ первыхъ измѣнившихъ Годунова въ пользу Самозванца. За тѣмъ слѣдуютъ князь Юрій Алексѣевичъ и сынъ его князь Михаилъ Юрьевичъ, изъ которыхъ первый былъ бояриномъ царя Алексѣя Михаиловича; оба погибли въ стрелецкомъ бунтѣ, послѣдній въ то время, какъ убѣждалъ стрѣльцовъ усмириться. Болѣе о нихъ сказать нечего. Но дѣйствительно замѣчателенъ князь Яковъ Ѳедоровичъ Долторукій, сподвижникъ Петра I. Русскій народъ былъ такъ пораженъ тѣмъ, что нашелся царедворецъ, который говорилъ правду царю, что онъ изъ князя Якова Долгорукаго сдѣлалъ лице полусказочное; объ немъ ходятъ разныя миѳическія преданія и анекдоты, которые однакоже свидѣтельствуютъ объ его твердости, правотѣ и безкорыстіи. Характеромъ онъ стоитъ высоко и можетъ быть причтенъ къ знаменитымъ людямъ въ нашей исторіи. Братъ его, Григорій Ѳедоровичъ былъ посломъ въ Польшѣ. За тѣмъ слѣдуютъ четыре князя Долгорукихъ уже извѣстныхъ намъ по своему вліянію на Петра II. и по казнямъ при вступленіи на престолъ Анны. Изъ нихъ одинъ былъ замѣ-

чателенъ умомъ — князь Василій Лукичъ, но онъ то и былъ главнымъ двигателемъ недостойной олигархической крамолы, запятнавшей память его въ исторіи. Къ числу полководцевъ, прославившихъ свое имя, принадлежитъ сподвижникъ Екатерины, князь Долгорукій Крымскій, другой же полководецъ того же времени, князь Юрій Владимировичъ, хотя и служилъ съ честію въ военной службѣ, но не совершилъ ни однаго подвига, за который можно бы его причесть къ достопамятнымъ людямъ. Точно также нельзя поставить въ число знаменитостей и князя Владиміра Сергѣевича, который, хотя и былъ посланникомъ въ Пруссіи при Екатеринѣ, но котораго біографія заключается единственно въ сверхъестественномъ анекдотѣ объ обращеніи отъ невѣрія къ религіи. И такъ князей Долгорукихъ мы начали двухъ.

За ними слѣдуютъ князья Щербатовы, изъ которыхъ въ Словарѣ нѣтъ ни однаго, но упоминаемый въ Родословной князь Михаилъ Михаиловичъ, какъ историкъ, можетъ быть причтенъ къ достойнымъ лицамъ. Слѣдующіе за тѣмъ князья Святополки-Четвертинскіе и Святополки-Мирскіе частью своей исторіи принадлежатъ Польшѣ: въ русской же исторіи изъ нихъ не было ни однаго замѣчательнаго. Тоже должно сказать о князьяхъ

Друцкихъ, Бобичевыхъ, Путятиныхъ, Друцкихъ-Сокольницкихъ и Друцкихъ-Любецкихъ. Изъ князей Вяземскихъ замѣчателенъ одинъ — генералъ-прокуроръ временъ Екатерины II. Изъ князей Щетининыхъ и Засѣкиныхъ не было ни однаго замѣчательнаго; князей же Сонцовыхъ и Сонцовыцъ-Засѣкиныхъ самъ князь Долгорукій обходитъ скромнымъ молчаніемъ. Изъ многочисленнаго рода князей Шаховскихъ находимъ въ Словарѣ однаго — князья Якова Петровича, съ честію занимавшаго разныя второстепенныя должности при Аннѣ и Елисаветѣ. Онъ оставилъ записки, которыя собственно и составили его славу, но чтобы не быть придирчивыми, причислимъ пожалуй и его. Кромѣ того въ Родословной упоминается извѣстный комикъ, князь Александръ Александровичъ, который, какъ пріобрѣтшій имя въ литературѣ, можетъ также быть поставленъ въ числѣ достопамятныхъ лицъ. Изъ князей Морткиныхъ, Шехонскихъ, Львовыхъ нѣтъ ни однаго. Изъ Прозоровскихъ въ Словарѣ два, но сколько нибудь замѣчательнаго ни однаго. Изъ Дуловыхъ же, Кропоткиныхъ, Козловскихъ, Щениныхъ-Ростовскихъ, Касаткиныхъ-Ростовскихъ, ни однаго. Изъ Добановыхъ-Ростовскихъ въ Словарѣ находятся двое: 1) князь Иванъ Ивано-

вичъ, который при Алексѣѣ Михайловичѣ былъ посломъ въ Персіи, а потомъ въ Вильнѣ, гдѣ впрочемъ ничего не сдѣлалъ, хотя князь Долгорукій и говоритъ, что онъ былъ однимъ изъ первыхъ дипломатовъ своего времени, и 2) кн. Яковъ Ивановичъ, государственный сановникъ царствованія Александра Павловича, нѣсколько лѣтъ управлявшій Малороссіей; этаго можно причесть. Находится въ Словарѣ и одинъ Бѣлосѣльскій-Бѣлозерскій, впрочемъ болѣе замѣчательный какъ просвѣщенный вельможа, что составляетъ рѣдкость, нежели какъ историческій дѣятель и государственный мужъ. Изъ князей же Вадбольскихъ, Шелешпанскихъ, Ухтомскихъ нѣтъ никого. Князья Шуйскіе принадлежатъ нынѣ Польшѣ. Изъ Гагариныхъ же находимъ въ Словарѣ двоихъ: — Матвѣя Петровича, повѣшеннаго за лихоимство при Петрѣ I., и Гаврила Петровича, сенатора и министра коммерціи, написавшаго нѣсколько духовныхъ сочиненій. Изъ Хилковыхъ помѣщенъ одинъ замѣчательный только тѣмъ, что будучи посломъ въ Стокгольмѣ во время Петра I., восьмнадцать лѣтъ пробылъ тамъ въ плѣну. Наконецъ изъ Волконскихъ находимъ трехъ, изъ которыхъ замѣчателенъ только князь Михаилъ Никитичъ, служившій при Екатеринѣ на военномъ и дипло-

матическомъ поприщѣ, и славившійся своимъ умомъ. Что касается до князей Рѣпниныхъ-Волконскихъ, то они носятъ только имя угасшаго уже рода.

И такъ изъ 38 княжескихъ родовъ, происшедшихъ отъ Рюрика и сохранившихся доселѣ, въ числѣ людей болѣе или менѣе замѣчательныхъ мы находимъ однаго второстепеннаго полководца, четырехъ мужей, съ усердіемъ подвигавшихся на поприщѣ гражданскомъ и двухъ посредственныхъ писателей. И того семь. Немного! Не приходится и $^1/_5$ замѣчательнаго человѣка на родъ, хотя даже изъ этого числа многіе не выдержали бы критики. Во всякомъ случаѣ людей съ громкимъ и славнымъ именемъ совершившихъ великія дѣла на какомъ бы то ни было поприщѣ, нѣтъ ни однаго. Что же, если бы мы стали разбирать всѣ 187 существующихъ и угасшихъ княжескихъ родовъ, происшедшихъ отъ Рюрика, изъ которыхъ многіе и слѣда по себѣ не оставили въ исторіи, какъ на примѣръ князья Жижемскіе, Андомскіе, Шамины, Голыгины, Неучкины, которые извѣстны только по родословнымъ?

Болѣе замѣчательныхъ лицъ произвели княжескіе роды, въѣзжіе въ Россію, но припасанные къ русскому титулованному дворянству. Изъ Гедиминовичей сюда относятся князья: — Хован-

скіе, Голицыны, Куракины, Трубецкіе; князья же Воронецкіе, Чарторижскіе, Коріатовичи-Курцевичи и Сангушки принадлежатъ къ аристократіи польской. Изъ первыхъ мы находимъ нѣсколько достопамятныхъ лицъ — только въ родѣ князей Голицыныхъ. Изъ Хованскихъ въ Словарѣ нѣтъ никого; изъ Куракиныхъ два полководца XVII. вѣка, изъ которыхъ одинъ князь Иванъ Семеновичъ разбилъ шайки Лисовскаго, а другой князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ во вторую польскую войну при Алексѣѣ Михайловичѣ мѣстничался съ Ромадоновскимъ, отчего и походъ былъ неудаченъ. Изъ князей же Трубецкихъ находимъ также двухъ, изъ которыхъ одинъ: — князь Алексѣй Никитичъ во вторую же польскую войну былъ разбитъ вслѣдствіе мѣстническихъ счетовъ, а другой, князь Никита Юрьевичъ упоминается въ исторіи только потому, что дурно снабжалъ припасами войска Миниха во время турецкихъ походовъ. Впрочемъ князь Долгорукій увѣряетъ, что и тушинскій бояринъ князь Дмитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ лицъ въ русской исторіи, оказавшій вѣрѣ и отечеству столь великія услуги, что получилъ даже вотчину отъ царя Михаила Ѳедоровича!

Изъ князей же Голицынхъ мы находимъ

дѣйствительно нѣсколько замѣчательныхъ людей. Нельзя къ нимъ причислить князя Василія Васильевича, который, хотя и показалъ большую твердость будучи посломъ въ лагерѣ Сигизмунда, но прежде того былъ извѣстенъ единственно какъ крамольникъ. Онъ былъ изъ первыхъ измѣнившихъ Годунову въ пользу Самозванца; воевода ввѣреннаго ему войска, онъ велѣлъ себя связать, чтобы придать измѣнѣ видъ насилія. Онъ былъ въ числѣ главныхъ лицъ, помагавшихъ Отрепьеву вступить на престолъ, участвовалъ въ сверженіи Патріарха и въ цареубійствѣ, былъ за то пожалованъ Самозванцемъ въ Великіе Дворецкіе, продолжалъ крамольничать при Шуйскомъ, и добиваясь для себя царскаго вѣнца, прославился постоянными измѣнами. Но замѣчателенъ другой князь Василій Васильевичъ Голицынъ, любимецъ Софіи, человѣкъ просвѣщенный, управлявшій при ней государствомъ, хотя и онъ затмилъ славу непомѣрнымъ честолюбіемъ и неудачными походами въ Крымъ. Знаменитъ въ русской исторіи и сподвижникъ Петра, князь Михаилъ Михайловичъ, одинъ изъ лучшихъ полководцевъ своего времени, который впрочемъ также запятналъ себя олигархическою интригою, въ которой участвовалъ по внушенію брата. Послѣдній князь Дмитрій Михайло-

вичъ, былъ человѣкъ большаго ума, но приверженецъ старины и аристократіи. — Вмѣстѣ съ княземъ Василіемъ Лукичемъ Долгорукимъ онъ былъ главнымъ участниковъ въ олигархическихъ козняхъ при вступленіи на престолъ императрицы Анны. Болѣе или менѣе замечательны, какъ второстепенные полководцы, трое князей Голицыныхъ, жившихъ во времена Екатерины — фельдмаршалъ князь Александръ Михайловичъ, князь Петръ Михайловичъ и князь Сергѣй Ѳедоровичъ. И того 5.

За тѣмъ слѣдуютъ пришлые кн. Багратіоны, Дадіаны, Мещерскіе, Урусовы, Юсуповы, Черкасскіе, Циціановы. Изъ нихъ замѣчательны какъ полководцы князъ Багратіонъ, сподвижникъ Суворова и Кутузова, и князь Циціановъ, герой кавказскій, а на гражданскомъ поприщѣ князь Платонъ Степановичъ Мещерскій, съ почетомъ служившій при Екатеринѣ. Въ Словарѣ находимъ также двухъ князей Юсуповыхъ, изъ которыхъ одинъ ровно ничѣмъ не замѣчателенъ, а другой былъ просвѣщенный вельможа; и трехъ князей Черкасскихъ, изъ которыхъ князь Яковъ Куденетовичъ во вторую польскую войну мѣстничался съ Ромодановскимъ, князь Михаилъ Алегуковичъ погибъ въ стрѣлецкомъ бунтѣ, защищая

Матвѣя, а князь Михаилъ Александровичъ заслугами при вступленіи на престолъ Анны Ивановны возвысившійся до сана Великаго Канцлера, былъ однимъ изъ самыхъ раболѣпныхъ приверженцевъ Бирона. И такъ на 11 родовъ 8 болѣе или менѣе замѣчательныхъ людей, изъ которыхъ двое принадлежатъ къ родамъ недавно въѣзжимъ въ Россію, а пять къ многочисленному роду князей Голицыныхъ. Послѣдніе вмѣстѣ съ Долгорукими произвели наиболѣе люлей достопамятныхъ, но они же показали, чего Россія можетъ отъ нихъ ожидать.

За тѣмъ слѣдуютъ роды пожалованные въ князья, графы и бароны со временъ Петра I. Всѣхъ ихъ 80, не считая тѣхъ, которые носятъ иностранные титулы: — 13 княжескихъ, 57 графскихъ и 10 баронскихъ на 47 древнихъ княжескихъ родовъ. Впрочемъ изъ числа вновь пожалованныхъ есть 4, которые и въ старину были уже болѣе или менѣе знатны: Шереметевы, Бутурлины, Строгоновы бывшіе торговцами, именитыми людьми, и Салтыковы знаменитые въ древности не подвигами, а измѣнами. Сюда же можно причислить и Апраксиныхъ, которые впрочемъ возвысились только при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ по родству съ царемъ. Изъ остальныхъ же находимъ

30 фамилій иностранныхъ, большею частью нѣмецкихъ, которыя показываютъ, что и новая знать удержала прежній сборный характеръ, но если числительно въѣзжіе роды не такъ многочисленны относительно русскихъ, какъ въ старину, за то древніе бояре, разъ обрусѣвши, крѣпко сохраняли русскіе обычаи, и потому имѣли способность ассимилировать себѣ иностранцевъ. Новые же вельможи совершенно потеряли эту способность, ибо сами сдѣлались полуиностранцами по воспитанію, вслѣдствіе того масса ихъ имѣетъ гораздо болѣе иностранный характеръ, нежели прежде. Любопытно еще то, что изъ существующихъ нынѣ родовъ только 19 получили княжеское и графское достоинство со временъ Петра I. до Павла, и въ томъ числѣ 9 за службу, 8 по царской милости и 2, именно Гендриковы и Ефимовскіе, по родству съ царской фамиліей. Павелъ же впродолженіе четырехлѣтняго царствованія возвелъ 5 родовъ въ княжеское достоинство и 22 въ графское. Изъ нихъ до нынѣ существуютъ 23 рода, получившіе тотъ или другой титулъ. Конечно, въ числѣ ихъ были люди достойные, былъ и великій человѣкъ Суворовъ, возведенный въ санъ князя, но невѣроятно, чтобы въ такое короткое время нашлось такъ много людей оказавшихъ отличныя

услуги отечеству. Напротивъ того извѣстно, что Павелъ Петровичъ лыбилъ сочинять вельможъ и раздавалъ титулы своимъ придворнымъ любимцамъ, на пр. брадобрѣю Кутайсову: Изъ этого можно видѣть, что и новая знать возвысилась не столько великими дѣлами, сколько придворною ловкостію. Она возвышалась всѣми возможными путями, нерѣдко просто посредствомъ физической красоты, старалась угождать монархамъ и пользоваться ихъ слабостями, и образовала тотъ придворный кругъ, о которомъ Пушкинъ писалъ извѣстные стихи:

Мой дѣдъ не торговалъ блинами,
Въ князья не прыгалъ изъ хохловъ,
Не пѣлъ на клиросѣ съ дьячками,
Не ваксилъ царскихъ сапоговъ,
И не былъ бѣглымъ онъ солдатомъ
Нѣмецкихъ пудреныхъ дружинъ;
Куда жъ мнѣ бытъ аристократомъ!
Я мѣщанинъ! я мѣщанинъ!

Донынѣ продолжается наплывъ людей незнатнаго происхожденія, но это совершается все тѣмъ же разъ заведеннымъ порядкомъ. Здѣсь, разумѣется, какъ и вездѣ, бываютъ исключенія, но большею частью ходъ получаютъ клевреты тѣхъ же царедворцевъ, усвоившіе себѣ ихъ образъ мыслей, ихъ нравы и стремленія. Люди отрекающіеся отъ независимости, отъ убѣжденія, но

способные къ механическому труду — возвышаются преимущественно передъ другими и мало по малу вытѣсняютъ собою прежнихъ аристократовъ облѣнившихся и неспособныхъ къ работѣ. Это вліяніе поражающее съ перваго взгляда. — Стоитъ посмотрѣть въ Памятную Книжку, чтобы убѣдиться, что большая часть высшихъ государственныхъ должностей заняты незнатными. Таковы первые сановники государства: Предсѣдатель государственнаго совѣта и оба намѣстника. Изъ 12 министровъ одинъ только принадлежитъ къ древнему роду, и то къ такой отрасли, которая никогда не пользовалась высокими почестями. Другой принадлежитъ къ роду возникшему въ половинѣ XVIII. вѣка, а остальные все люди новые. Изъ 9 товарищей министровъ нѣтъ ни однаго знатнаго. Тоже должно сказать и о статсъ-секретаряхъ, управляющихъ отдѣленіями собственной е. и. в. канцеляріи, о государственномъ секретарѣ, объ управляющемъ дѣлами коммитета министровъ, предсѣдателѣ коммиссіи прошеній, оберъ-прокурорахъ Синода. Таковы также оба военные генералъ-губернатора столицъ. Изъ 10 генералъ-губернаторъ областныхъ 3 принадлежатъ къ новой знати; но изъ 37 военныхъ губернаторовъ только 2, а изъ 54 гражданскихъ только одинъ принадле-

житъ къ знатнымъ родамъ. Если же съ другой стороны мы подумаемъ что наши вельможи, подражая доблестямъ предковъ посвящаютъ себя преимущественно службѣ военной, то и здѣсь ошибемся. Изъ командующихъ арміями только одинъ князь Горчаковъ принадлежитъ къ древнымъ русскимъ родамъ; но и предки Горчаковыхъ никогда не пользовались почестями, такъ что возвышеніемъ своимъ онъ обязанъ единственно собственнымъ заслугамъ. Братъ его единственный корпусный командиръ, принадлежащій къ титулованному русскому дворянству; изъ дивизіонныхъ же начальниковъ потомковъ древнихъ знатныхъ родовъ только двое — князь Урусовъ, съ недавняго времени командующій X. дивизіею и князь Гагаринъ, начальникъ XVIII. Также бѣдно знатными родами и дипломатическое поприще: изъ четырехъ посланниковъ, считая и тѣхъ, которые были во Франціи, въ Англіи и въ Турціи, къ нимъ принадлежитъ одинъ только посланникъ въ Вѣнѣ князь Горчаковъ. Наконецъ если мы подумаемъ, что вельможи наши, удаляясь отъ двора и отъ службы, пользуются уваженіемъ дворянъ и занимаютъ высшія выборныя должности, то и здѣсь стоитъ взглянуть на Памятную Книжку, чтобы разубѣдиться въ этомъ. Дѣйствительно, изъ губерн-

скихъ предводителей дворянства мы находимъ только двухъ потомковъ Рюрика, двухъ принадлежащихъ къ вновь возвысившейся знати, да двухъ членовъ аристократіи польской. Остальные все люди незнатные.

Но если мы обратимся къ чинамъ придворнымъ, то найдемъ, что здѣсь отношеніе знатныхъ именъ къ незнатнымъ гораздо больше. Изъ 11 высшихъ придворныхъ чиновъ двое принадлежатъ потомкамъ древнихъ родовъ, и 6 аристократіи новой и пришлой; слѣдственно 8 на 11. Изъ 34 вторыхъ придворныхъ чиновъ до каммергеровъ 7 принадлежатъ старымъ родамъ и 11 новымъ и пришлымъ слѣдственно 18 на 34. Изъ 111 каммергеровъ находятся 16 потомковъ древнихъ родовъ и 11 новыхъ и пришлыхъ; слѣдственно почти $^1/_4$. Наконецъ и въ должности каммеръ-юнкеровъ, которая, какъ извѣстно раздается довольно расточительно, мы находимъ значительное число лицъ изъ знатныхъ родовъ. Изъ 213 каммеръ-юнкеровъ 20 принадлежатъ къ старымъ родамъ и 40 къ новымъ и пришлымъ; слѣдственно болѣе $^1/_4$.

Что же мы изъ всего этого можемъ вывести? 1.) что древняя наша аристократія осталась преимущественно въ службѣ придворной. Она даетъ

государству не полезныхъ дѣятелей на поприще военномъ, гражданскомъ и дипломатическомъ, а царедворцевъ, вѣроятно людей достойныхъ, но безполезныхъ для отечества. Если же мы взглянемъ на множество родовъ и поколѣній, потерявшихъ прежнюю знатность, захудавшихъ по древнему выраженію, то убѣдимся, что древняя наша аристократія въ настоящее время потеряла всякое значеніе, и что только малая часть ея успѣла удержаться въ придворной службѣ. Княжеское имя ничего уже не значитъ въ Россіи и князей мы найдемъ даже въ числѣ мелкопомѣстныхъ дворянъ и однодворцевъ. 2) Новые роды возникшіе или въѣхавшіе въ Россію со временъ Петра I., затмили собою старыхъ, но и они толпятся преимущественно при дворѣ, и сами въ свою очередь затмѣваются наплывомъ вновь возвышающихся родовъ. Далеко большая часть высшихъ государственныхъ должностей и въ томъ числѣ самыя значительныя занимаются людьми невысокаго происхожденія, такъ, что мы по справедливости можемъ сказать: есть у насъ роды и знатные и древніе; но къ несчастію древніе не знатны, а знатные не древни. Однимъ словомъ аристократія у насъ не существуетъ, не существуетъ какъ сословіе имѣющее свои особенныя права, не

существуетъ и какъ преемственность лицъ, занимающихъ высшія государственныя должности и подвизающихся на пользу отечества. У насъ есть только знать, низшая и послѣдняя форма аристократіи, которую она принимаетъ тогда, когда потеряла уже всякое политическое значеніе, и умирая хочетъ еще по возможности сохранить значеніе частное. Знать есть смѣсь древнихъ и новыхъ родовъ, составляющихъ кругъ царедворцевъ и пользующихся царскими милостями. Изъ нихъ древніе первые столпились около престола, и отказались отъ стараго способа пріобрѣтать значеніе посредствомъ крамолъ, прибѣгли къ новому способу пріобрѣтать милости посредствомъ лести и униженія. Древніе роды развратили новыхъ вступившихъ въ ряды ихъ, а новые развращаютъ новѣйшихъ, такъ что при безпрерывномъ обновленіи знатныхъ родовъ остается въ нихъ все тотъ же характеръ — характеръ, который составляетъ послѣдовательный результатъ всей ихъ исторіи, и который мы уже не разъ имѣли случай обозначить въ этой статьѣ.

Что аристократія у насъ не существуетъ, съ этимъ пожалуй, согласятся многіе; но говорятъ надобно ее создать.

Для чего же ее создать?

Если единственно для того, чтобы потомки пользовались честью пріобрѣтенною великами предками, то объ этомъ и говорить не стоитъ; достаточно сослаться на извѣстную басню Крылова. Такое воззрѣніе исходящее изъ личныхъ и частныхъ побужденій не можетъ имѣть мѣста въ государствѣ. Для государства не только совершенно безполезно, но даже вредно, если негодные потомки пользуются правами, пріобрѣтенными великими предками. Государство стоитъ гораздо выше всѣхъ этихъ мелочныхъ воззрѣній; его право и обязанность выбирать себѣ достойныхъ служителей, въ какомъ бы они были званіи или сословіи. Если потомки являютъ себя достойными предковъ, то пускай правительство избираетъ и ихъ въ числѣ другихъ, и воздаетъ имъ по мѣрѣ заслугъ. Но ограничивать себя ихъ частными притязаніями оно не можетъ, и не должно.

Если же скажутъ, что кровь передаетъ благородныя стремленія и доблести, то и объ этомъ говорить не стоитъ. Такое чисто матеріальное воззрѣніе на человѣка не можетъ быть доказано. Напротивъ исторія всѣхъ народовъ убѣждаетъ насъ, что чѣмъ замкнутѣе аристократія, тѣмъ она скорѣе развращается и вымираетъ. Для того, чтобы сколько нибудь поддержаться, ей нужно

постоянное обновленіе, постоянный приливъ свѣжей крови изъ нашихъ слоевъ народонаселенія. Изъ собственной нашей исторіи мы можемъ видѣть, что знатная порода передаетъ только пороки и развращеніе, что силы и способности таятся преимущественно въ сословіяхъ не заразившихъся тлетворною атмосферою знатнаго круга. Аристократія большею частью есть ничто иное, какъ соръ — всплывшій кверху въ мутной водѣ.

Der Schaum bedeutet grosse Leute.

"Пѣна означаетъ высокихъ особъ", говоритъ нѣмецкая пѣснь въ затѣйливой наивности своей уподобляющая міръ бутылкѣ пива. Дѣйствительно, это пѣна, которую можно снять безъ всякаго вреда для государства. 2) Если бы даже доблести и были наслѣдственны, то все государству не за чѣмъ этимъ ограничивать себя въ своихъ дѣйствіяхъ и въ выборѣ должностныхъ лицъ. Государственная польза — вотъ единственное, что должно имѣть въ виду при разрѣшеніи вопроса аристократіи, и въ этомъ отношеніи можно спросить: какой новый элементъ внесетъ она въ государственную жизнь?

Аристократію можно ввести съ двоякою, притомъ совершенно противоположною цѣлью или для того, чтобы доставить опору царской власти,

какъ элементъ охранительный, или для того чтобы образовать противудѣйствіе царской власти какъ элементъ либеральный и прогресивный.

Нужно ли ввести у насъ аристократію какъ надежнѣйшую опору престола, какъ охранительный элементъ въ государственной жизни? Но Боже правый! у насъ куда ни обратись все одни охранительные элементы. Консервативно у насъ и дворянство, которое не хочетъ отказаться отъ вредной для государства стариины крѣпостнаго права. Новыя моды принимаетъ оно съ радостью, приметъ пожалуй для разговора и новыя идеи, но отъ старыхъ барскихъ обычаевъ оно отстать не хочетъ, ибо старые барскіе обычаи выгодны и покойны. И купечество наше упорно держится старины; въ немъ сохранилась даже мелочная привязанность къ стариннымъ формамъ жизни, такъ что на каждое нововведеніе оно смотритъ почти какъ на дѣло мерзкое и богопротивное. Еще болѣе преданы старинѣ крестьяне, которое даже и не знаютъ, что такое новизна, и живутъ доселѣ такъ, какъ жили предки ихъ въ XII. вѣкѣ подъ вліяніемъ обычаевъ и обрядовъ сохранившихся еще со временъ язычества. Наконецъ и самые раскольники, которые преслѣдуются правительствомъ, недовольны имъ большею частью по-

тому, что считаютъ его слишкомъ преданнымъ новизнѣ. Впрочемъ всѣ сословія одинаково почитаютъ царя. Для чего же искать еще болѣе надежной поры? На что же намъ еще охранительныхъ элементовъ? Хоть бы немножко намъ элементовъ прогрессивныхъ! Мы бы вздохнули свободнѣе, ибо для всякаго народа нужны не только старина и покой, но также новизна и движеніе. Иначе зачерствѣетъ онъ и затупѣетъ въ своей косности, заглохнутъ всѣ данныя ему отъ природы живыя силы и способности и обратится онъ въ мертвячину, которая или растлѣетъ, уступая мѣсто другимъ или останется обломкомъ прошедшаго — какъ вѣчный урокъ будущимъ поколѣніямъ.

Но, можетъ быть, аристократія именно восполнитъ у насъ этотъ недостатокъ движенія и свободы? Можетъ быть, получивши права она лучше другихъ съумѣетъ сохранить ихъ, и составляя оплотъ противъ самовластія, дасть народу тѣ прогрессивные элементы, въ которыхъ онъ нуждается? Боже сохрани насъ отъ подобныхъ прогрессивныхъ элементовъ! Наисамодержавнѣйшій государь въ милліонъ разъ лучше користной и надменной олигархіи, ищущей только собственной выгоды. Такова она была прежде, такова будетъ

впредъ. Новыхъ правъ она сохранить не съумѣетъ, ибо не съумѣла сохранить и старыхъ. Для этого надобно имѣть силу и способности, надобно имѣть корень въ народѣ, а всего этого у нашей аристократіи нѣтъ. Независимости мнѣній она имѣть не будетъ, ибо исторія убѣждаетъ насъ, что независимость мнѣній не дается знатностью и богатствомъ, а что напротивъ того знатность и богатство большею частью убиваютъ ее. Они ставятъ человѣка въ такое положеніе, гдѣ личными отношеніями можно достигнуть большихъ выгодъ, нежели заслугами; они пріучаютъ человѣка къ роскоши и почету, и отъучаютъ его отъ труда; вслѣдствіе чего онъ стремится къ достиженію своихъ цѣлей не собственной работой, а путями косвенными, унижаясь и раболѣпствуя. Можно ли въ настоящее время указать на единаго изъ нашихъ вельможъ, который бы смѣло говорилъ истину, который обличалъ бы дѣйствія власти, отклоняющіяся отъ общественнаго блага, который пострадалъ бы дѣйствія власти, отклоняющіяся отъ общественнаго блага, который пострадалъ бы за правду и могъ бы служить знаменемъ для народа? — Можно ли указать на единаго, который бы что нибудь сдѣлалъ для пользы народной? Англійскіе аристократы, какъ мы уже имѣли случай замѣтить,

издавна освободили своихъ крестьянъ; иначе они не могли бы сохранить своего значенія. Изъ нашихъ аристократовъ, хотя нѣкоторые и освободили подъ-должины крепостныхъ людей, но единственно изъ угожденія царю; всѣ же они упорно сопротивлялись всякой мѣрѣ клонящейся къ освобожденію. Самъ покойный государь Николай Павловичъ, который какъ извѣстно, имѣлъ характеръ довольно энергическій, который не любилъ вельможъ, и возвышалъ людей незнатныхъ, не могъ однакоже исполнить любимаго своего желанія изъ опасенія слишкомъ сильнаго сопротивленія со стороны аристократіи. Извѣстно, что могучіе владыки нерѣдко боятся призраковъ; такъ и Николай Павловичъ боялся революціонныхъ началъ, которыя у насъ не существуютъ и аристократіи, которая передъ царскою властію есть ничтожество изъ ничтожествъ.

Наконецъ если предположить невѣроятную гипотезу земской думы, созванной царемъ для совѣщанія, то нужно ли вмѣстѣ съ тѣмъ для равновѣсія создать и думу боярскую? Это было бы еще хуже, ибо это поставило бы царя въ положеніе самое невыгодное. Въ противоположность народу онъ явился бы окруженнымъ толпою царедворцевъ неимѣющихъ связи съ русскою землею

и преслѣдующихъ только свои личныя цѣли. Какъ доказываетъ примѣръ Франціи, аристократія, на которую опирается престолъ, можетъ вести царя только къ погибели. Въ древности была у насъ боярская дума, и эта дума едва не погубила государства; возстановить ли ее теперь, тогда какъ она пала вслѣдствіе своего безсилія и своихъ козней? Это было бы слишкомъ нелѣпо. Вообще чѣмъ болѣе развивается государство, тѣмъ менѣе можетъ оно допустить аристократію; и аристократія не имѣетъ никакаго общественнаго значенія. — Представитель государства есть царь; тѣло же государственное состоитъ изъ народа, и тамъ, гдѣ существуетъ раздѣленіе на сословія, тамъ высшимъ государственнымъ сословіемъ можетъ быть только дворянство. Оно представляетъ собою одинъ изъ элементовъ государственной жизни; это сословіе землевладѣльцевъ и людей — посвящающихъ себя общественной службѣ. Здѣсь есть какой нибудь смыслъ. Но аристократія представляетъ только личныя свои права и притязанія, а потому и смыслъ имѣла только въ жизни средневѣковой; къ учрежденіямъ же новаго времени она неприложима.

Но если бы даже полезно было создать аристократію, то это во всякомъ случаѣ было бы невоз-

можно. Аристократія создается исторіею, а не указами и не придворными интригами. Она вытекаетъ изъ всей жизни народной, съ которою переплетается всѣми своими вѣтвями, и тогда только можетъ имѣтъ прочность и силу. Аристократія же въ одно прекрасное утро собранная изъ разныхъ лицъ и одаренная преимуществами, не можетъ имѣть въ себѣ жизненныхъ началъ, ибо удалена отъ исторической и народной почвы. Это растеніе висящее на воздухѣ и осужденное сохнуть и вянуть. Всѣ подобныя попытки оставались неуспѣшными. И Наполеонъ хотѣлъ создать родъ аристократіи изъ своихъ слугъ и маршаловъ; и Бурбоны хотѣли возсоздать древнюю феодальную аристократію. Гдѣ же они теперь? Ихъ унесъ неудержимый потокъ исторіи, какъ унесетъ и всякую аристократію, ибо исторія осудила ихъ разъ на всегда. Конечно, русскій царь такъ силенъ, что можетъ безпрекословно учредить боярскую думу; но это будетъ ничто иное какъ потѣшная игрушка, карточный домикъ, устроенный для царской забавы. И будутъ сидѣть въ немъ бояре, и будутъ судить и рядить, какъ они и судили и радили въ государственномъ совѣтѣ, куда какъ извѣстно, отсылались сановники за старость, увѣчье и неспособность.

Но какъ скоро его величеству благоугодно будетъ перестать играть въ карточные домики, все это зданьице разлетится и не останется его и сдѣла.

Наконецъ если бы даже полезно и возможно было создать аристократію, то изъ кого ее создать?

Возмутъ ли для этого одни роды древніе, княжескіе и боярскіе, потомковъ Рюрика и разныхъ выходцевъ татарскихъ, литовскихъ, польскихъ, нѣмецкихъ, венгерскихъ и другихъ? Но потомковъ знатныхъ родовъ несчастное множество, и кромѣ развѣ родословной у нихъ нѣтъ никакихъ отличительныхъ признаковъ, могущихъ сдѣлать изъ нихъ аристократовъ. Большая часть ихъ захудали, слились съ общею массою дворянства — и такъ уподобились простымъ смертнымъ, не происходящимъ отъ Рюрика и разныхъ татарскихъ выходцевъ, что ихъ и не различишъ. Если же для удобства возмутъ только тѣ роды, которые внесены въ бархатную книгу, то этимъ несправедливо исключатся многіе, не попавшіе въ нее чисто случайнымъ образомъ. Кромѣ того и изъ тѣхъ родовъ, которые внесены въ бархатную книгу есть множество такихъ, которые превратились даже въ мелкопомѣстныхъ дворянъ. Какъ удивятся Пятины, Замыцкіе, Рожновы, Поводовы, Аминовы, Тищипы, Кокоревы, Белеутовы,

Теряевы, Обѣдовы, Старковы, Отяевы, Пыжовы, Шафровы и проч., когда ихъ вдругъ сдѣлаютъ аристократами! То то пойдетъ тревога по русской землѣ! Или взять одно лишъ потомство Рурика? Но тогда рождается вопросъ: включить ли въ это число фамиліи не княжескія, прямо происходящія отъ Рюрика или нѣтъ? Въ первомъ случаѣ надобно будетъ принять въ число бояръ Пузиныхъ, Внуковыхъ, Монастыревыхъ, Судаковыхъ, Цыплетевыхъ, Мусоргскихъ, Ильиныхъ, Ивиныхъ, Березиныхъ, Осининыхъ и проч., къ крайнему прискорбію родовъ княжескихъ нежелающихъ видѣть подлѣ себя людей съ такими незнатными, нѣкоторыхъ даже изъ однодворцевъ, ибо есть и однодворцы прямые потомки Рюрика. Во второмъ случаѣ надобно будетъ составить совершенно произвольно олигархію изъ 38 или 39 родовъ, не имѣющихъ сами по себѣ рѣшительно никакаго преимущества передъ другими, ибо они также большею частью потеряли всякое аристократическое значеніе и надѣли на себя образъ простыхъ смертныхъ. Не говоримъ уже о томъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ надобно будетъ вновь сочиненныхъ вельможъ надѣлять богатствомъ, безъ котораго не обойдется ни одна аристократія, а откуда его взять? Развѣ опять разда-

вать государственныхъ крестьянъ? Или просто обирать народъ? Вообще возстановлять такимъ образомъ древніе роды, значитъ откапывать допотопный міръ и вносить эти окаменѣлости въ составъ живаго организма современнаго общества. Подобная мысль можетъ придти въ голову развѣ только геологу или антикварію, а отнюдь не государственному человѣку.

Или же, не ограничиваясь древними родами чтобы не обидѣть новой знати, которая гораздо сильнѣе старой, составятъ аристократію изъ той и другой вмѣстѣ, принявъ въ нее всѣхъ носящихъ титулы князей, графовъ и бароновъ? Это было бы весьма легко и удобно, если бы мысль о созданіи государственнаго учрежденія по такому внѣшнему признаку не обличала воззрѣнія чисто ребяческаго. Можно навѣрно сказать, что для Россіи было бы въ тысячу разъ полезнѣе, если бы составили боярскую думу изъ людей имѣющихъ бѣльмо на глазу, или бородавку на правой щекѣ. Послѣдніе были бы по крайней мѣрѣ люди изъ всѣхъ сословій, со всѣхъ концовъ земли, знающіе Россію, не зараженные придворной атмосферою, и многіе вѣроятно могли бы раскрыть правительству общественныя нужды и подать ему полезные совѣты. Можно побиться объ закладъ, что между

людьми носящими титулы не найдется и десятой части столько способныхъ людей, сколько бы нашлось между людьми съ бородавками. А къ тому же послѣдніе вѣроятно были бы люди скромные, смирные, чуждые глупой спѣси и наглыхъ притязаній, хотя и они могли бы столь же справедливо гордиться своими бородавками — какъ тѣ своими титулами. Они навѣрное не показали бы такой ненасытной алчности въ пріобрѣтеніи богатства, не выпрашивали бы себѣ безпрерывно новыхъ милостей у царя, не хотѣли бы сдѣлаться богатыми землевладѣльцами и присвоить себѣ государственныхъ крестьянъ, но дополъствовались бы прибытками, хотя неправедными (безъ этого у насъ не обойтись) но не раззорительными. Россія благоденствовала бы подъ правленіемъ людей съ бородавками.

Или наконецъ не лучше-ли, не разбирая древнихъ и новыхъ родовъ, составить букетъ изъ знатныхъ особъ, преимужественно съ нѣмецкими фамиліями и французскимъ воспитаніемъ, и ихъ украсить разными правами и преимуществами? Это дѣйствительно было бы недурно, хотя бы для того, чтобы раздосадовать остальныхъ. А Россіи то сколько благоденствія! батюшки мои!...

Но оставимъ шутки. Государство нуждается

не въ аристократахъ, а въ людяхъ. Въ недавную трудную пору оказался совершенный недостатокъ въ людяхъ съ способностями, съ независимыми мнѣніями, съ рвеніемъ на пользу общественную. Только самостоятельность убѣжденій можетъ сдѣлать человѣка полезнымъ для государства, ибо тогда только онъ стремится къ цѣли, которой преданъ всей душой, тогда только можетъ совершить дѣло, которое онъ обдумалъ, о которому себя посвятилъ. Но недостатокъ самостоятельности и твердости убѣжденій восполниться не созданіемъ аристократіи изъ раболѣпныхъ царедворцевъ, а большею свободою общественнаго мнѣнія. Надобно, чтобы каждый человѣкъ могъ сознавать себя гражданиномъ — призваннымъ содѣйствовать общему дѣлу, а не рабомъ могущимъ служить только орудіемъ чужей воли; надобно, чтобы онъ не трепеталъ за каждое смѣлое сказанное слово, а могъ бы свободно высказать мнѣніе, которое считаетъ полезнымъ для отечества, не боясь быть за то призваннымъ въ III. отдѣленіе или сосланнымъ въ отдаленныя губерніи. Не правъ мы желаемъ, ибо во всемъ полагаемся на царя, а просимъ только позволннія возвысить голосъ и обсуждать то, что ближе всего касается нашего седрца — благоденствіе нашего отечества. При

такой только свободѣ общественнаго мнѣнія, когда всѣ будутъ призваны къ общему дѣлу, могутъ воспитаться и выказаться способные люди. Права же данныя аристократіи, еще болѣе стѣсняя поприще государственной службы и преграждая путь къ возвышенію, не только не восполнятъ этого недостатка, а сдѣлаютъ его еще болѣе ощутительнымъ. Правительство не можетъ ограничивать себя такимъ образомъ, ему нужны люди — и оно имѣетъ право и обязанность вызвать ихъ отовсюду — изъ дворянскаго помѣстья, изъ купеческой конторы, изъ крестьянской избы. Здѣсь не можетъ быть различія, ибо способности и любовь къ отечеству должны быть единственнымъ путемъ къ достиженію почестей и значенія въ государствѣ.

(Писано въ 18.. году.)

Печатано въ типографіи Г. Пеца, въ Наумбургѣ.